
АНДРЕЙ ТОВІАНСКІЙ *

ЕГО ЖИЗНЬ, УЧЕНІЕ И ПОСЛѢДОВАТЕЛИ

(ПО НОВЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ)

II.

25го сентября 1841 года Мицкевичъ пригласилъ польскихъ эмигрантовъ проживавшихъ въ Парижѣ на богослуженіе, которое имѣло быть въ соборѣ Notre Dame de Paris чрезъ два дня, въ половинѣ девятаго часа утра, для принесенія Господу Богу благодарственнаго молебствія „за изытїя на нихъ милости“. **

Въ назначенное время и мѣсто собралось довольно много Поляковъ разныхъ партій и всѣ съ удивленіемъ увидѣли посреди собора импровизованный алтарь, у котораго служилъ ишу почетный каноникъ собора въ ассистенціи двухъ другихъ канониковъ; органы играли „Veni Creator“; Товіанскій и Мицкевичъ причащались. По окончаніи богослуженія Товіанскій пригласилъ присутствовавшихъ послѣдовать за нимъ

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 25.

** *Współudział A; Mickiew. sprawie A. Towiański I, 7—8.*

въ уголь собора близъ главныхъ дверей и тамъ въ погососа сказалъ сѣдующее слово: *

„Возлюбленные братья, позвольте мнѣ въ этой святинѣ сказать вамъ слово, такъ какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ мнѣ это невозможно, и послѣ приобщенія Святыхъ Таинъ, присту-
пить къ которому сегодня сподобилъ меня, недостойнаго, Гос-
подь, утѣшить васъ словомъ радости... Я пришелъ сюда что-
бы съ вами познакомиться, чтобы съ вами сблизиться, чтобы
дѣйствовать съ вами заодно... Я не приношу вамъ ни чело-
вѣческой мудрости, ни учености, которыми вы обладаете
болѣе меня... *Я пришелъ только возгласить вслѣдъ своего мис-
сію...* Давно уже сердце мое горячо желало объявить вамъ
что пробилъ часъ милосердія Божія; но это мнѣ не было до-
срабъ дозволено; только теперь настала минута, Когда мнѣ
смысла повелѣнно возгласить вамъ что мы вступили въ не-
вую эпоху, въ эпоху милости... Пусть это выраженіе „смысла“
не удивляетъ васъ, возлюбленные братья, ибо все и всегда не
иначе совершается на свѣтѣ: когда злоба человѣческая дой-
детъ до послѣдняго предѣла, тогда премудрый Промыслъ
истощивъ свое терпѣніе, принимаетъ спасительныя мѣры и
все въ началѣ должно быть основано и закончено въ судѣ
высочайшей Премудрости на небѣ, чтобы потомъ спустити,
съ предѣловъ духа въ область реальной и практической жиз-
ни... Представьте предъ очами вашими всю исторію рода
человѣческаго, Ветхій и Новый Заветъ, и повсюду и всегда вы
найдете то же самое. То же самое должно совершиться и нынѣ
въ нашемъ обществѣ, съ тою только разницею что въ стари-
ну оно совершалось путемъ продолжительныхъ революцій, а
нынѣ совершится внезапно и быстро. А нынѣшній день, въ
который вы сюда приглашены, есть день великій и знамени-
тельный въ цѣломъ развитіи огромнаго дѣла въ которомъ
народъ нашъ, столь страстно нами любимый, найдетъ для
себя независимость и счастье. Итакъ, я пришелъ возне-
стить вамъ что вскорѣ всѣ наши страданія прекратятся и
что всѣ страданія рода человѣческаго, происходяція отъ

* Слово Товіанскаго напечатано по-польски и по-французски
тамъ же II, 286—98. Описаніе этого собранія въ письмахъ Хэлло-
скаго къ Домейкѣ, отъ 9го октября 1841 года (ibid. I, 9) и Евстахія
Янушкевича къ его невѣстѣ, отъ 5го числа того же мѣсяца (ibid.
II, 166), а также въ брошюрахъ *Витвицкаго* (*Przeegl Poznański* 1858,
XXV, 159) и *В. Голэмбѣскаго*, стр. 63.

насидія и силы матеріальной, мимують: Евангеліе распро­странить повсюду власть свою, будетъ обнаруживаться не въ словахъ и формахъ, а въ сердцахъ вѣхъ и народы будутъ пользоваться свободою... Я пришелъ призвать васъ къ участию въ этомъ великомъ дѣлѣ, васъ первыхъ слутъ его, на чтѣ да­ютъ вамъ безспорное право: ваши страданія, труды и жертвы... Да, вскорѣ увидимъ все это собственными глазами; эта блаженная эпоха предназначена нашему поколѣнію. Въ нашемъ поколѣніи призванныя Провидѣніемъ лица займутъ свои посты и разсмытъ и приведутъ къ исполненію все чтѣ имъ поручено... Хотите чтѣ я имѣлъ вамъ сказать. Но такъ какъ это пред­метъ весьма обширный, то вышнее наше собраніе будемъ считать только началомъ нашихъ конференцій: въ слѣдую­щихъ, если изволите почтить меня, какъ и сегодня, благо­склоннымъ пріисутствіемъ, разсмотримъ этотъ вопросъ по­дробнѣе. Предлагаю вамъ, возлюбленные братья, акромныя свои услуги, опытъ всей своей жизни и все чтѣ только по­лезнаго можно сдѣлать при моемъ посредствѣ. Не ищите однако во мнѣ знаній и талантовъ, которыми сами обладаете. Не знаю почему я призванъ величайшимъ милосердіемъ Божи­имъ къ миссіи которую начинаю исполнять при васъ. Я ни­когда не выйду изъ предѣловъ моего призванія и не преста­ну на своемъ побѣѣ жертвовать собою и трудиться для васъ... Считаю священнѣйшею своею обязанностию засвидѣтель­ствовать предъ вами что во всемъ этомъ дѣлѣ ни на мину­ту я не буду думать о себѣ, ибо это мнѣ воспрещено, и не получу никакой даже малѣйшей личной выгоды; и еслибы кто изъ васъ нашелъ въ моемъ поведеніи, публичномъ или частномъ, что-нибудь нечистое или противное моимъ сло­вамъ, зываю къ каждому чтобы тотчасъ пресѣкъ нить мо­ихъ грѣшныхъ дней. Этимъ я кончу сегодняшнее слово и прибавлю только что для болѣе легкаго ознакомленія съ важнымъ предметомъ о которомъ говорю, вы будете имѣть, возлюбленные братья, трудъ мною написанный и обна­родываемый путемъ печати. Теперь же, призывая васъ къ участию въ великомъ дѣлѣ, могу торжественно заявить что *дѣло Божіе уже начато!*"

Это слово позже было переведено на французскій языкъ самимъ Товіанскимъ со значительными дополненіями. *

* *Acte de l'annonce de Dieu dans l'église metropolitains Notre*

По окончаніи слова, Товіанскій палъ надъ на землю и со слезами и въ самомъ сильномъ волненіи воскликнулъ: „Боже милосердый! Хвала, хвала Тебѣ за это начало исполненія воли Твоей! Благослови это начало и приведи насъ къ назначенной цѣли, къ полному исполненію воли Твоей!“

„Громкая молитва и слезы многихъ изъ присутствовавшихъ закончила этотъ актъ возвышенія дѣла Божія.“

Такъ рассказываетъ самъ Товіанскій о впечатлѣніи произведенномъ на польскую эмиграцію первымъ его публичнымъ словомъ. Почти то же говоритъ очевидецъ этой сцены Хелховскій: * „стоявшіе ближе къ Товіанскому были взволнованы. Я видѣлъ Евстахія Янушкевича съ красными отъ слезъ глазами; плакали также и цыме, но не воѣ“. А самъ Янушкевичъ писалъ ** о Товіанскомъ: „онъ говорилъ 40 минутъ съ большою мудростью, скромностью и вдохновеніемъ“... При этомъ онъ рассказываетъ слѣдующій анекдотъ: „Удивительно что хотя здѣсь не позволено свѣтскому человѣку говорить въ храмѣ слово, никто того не запретилъ Товіанскому, и когда соборный швейцаръ доложилъ священнику что Товіанскій собирается говорить, тотъ отвѣчалъ: „пусть говоритъ! человѣкъ который только - что принималъ тѣло и кровь Христову не можетъ сказать ничего дурнаго.“—„А если ему воспретятъ?“—„Кто, воскликнулъ священникъ, осмѣлится ему прештотствовать? Я самъ буду стоять при немъ.“

По словамъ же В. Голембѣвека***, слово Товіанскаго произвело не большое впечатлѣніе на слушателей. Но како-во бы ни было это впечатлѣніе, о Товіанскомъ заговорили всѣ польскіе эмигранты въ Парижѣ. Одни изъ нихъ утверждали въ его признаніе и считали его новымъ мессією, посланнымъ къ нимъ Богомъ; другіе видѣли въ немъ орудіе ада; а третьи наконецъ называли его шарлатаномъ и злымъ обманщикомъ****. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ пріятель Мицкевича, Степанъ Витвицкій. Къ нимъ же вскорѣ

Dame de Paris, le 27 septembre 1841 (напечат. въ Цюрихѣ въ 1877 году и перепечат. во II т. *Współudz. A. Mick.* 288—293).

* *Współudział* etc. I, 10.

** *Ibid.* II, 166.

*** О. с. 63.

**** Письмо Хелховскаго I с.

присоединились еще двое изъ трехъ первыхъ послѣдователей Товіанскаго, поэтъ Горецкій и г. Собавскій, по сѣдующему, какъ разказываетъ Витвицкій *, случаю:

„Товіанскій хотѣлъ напечатать какое-то сочиненіе, изъ котораго можно было бы лучше узнать то что онъ проповѣдывалъ. Въ рукописи онъ показалъ его тремъ своимъ ученикамъ, причемъ заявилъ что *такъ приказалъ ему написать Господь Богъ*; но когда немного спустя онъ привезъ совсѣмъ иную редакцію, повторяя при этомъ что такъ приказалъ написать Господь Богъ, Горецкій тотчасъ спохватился и замѣтилъ что Богъ не нуждается въ поправкахъ, такъ какъ Онъ сумѣетъ сразу продиктовать безошибочно, и не только немедленно оставилъ Товіанскаго, но даже тотчасъ сталъ разгадывать что все это комедія или сумашествіе, не болѣе. Прибавимъ что сочиненіе которое такимъ образомъ Господь Богъ дважды приказывалъ готовить къ печати куда-то исчезло и вовсе не было обнародовано. Вскорѣ послѣ того, хотя не такъ шумно и не сразу, отсталъ отъ „учителя (mistra)“ Собавскій. Итакъ изъ трехъ учениковъ остался одинъ Мицкевичъ.“

За то Мицкевичъ одинъ дѣйствовалъ за многихъ. Оставивъ прежнихъ своихъ друзей-католиковъ, не признававшихъ Товіанскаго „новымъ посланьемъ Божиимъ“, онъ искалъ новыхъ связей и былъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно дѣятеленъ. Повсюду онъ говорилъ съ жаромъ о Товіанскомъ. Вдохновенный имъ, онъ предсказывалъ прішествіе мужа предопредѣленія, который спасетъ угнетенные народы и прежде всего Поляковъ и Евреевъ; онъ предсказывалъ что это наступитъ такъ скоро что еще наши старцы и между ними генералъ Князевичъ дождутся освобожденія отечества, что съ тѣхъ поръ, благодаря этому мужу, будетъ господствовать справедливость во всемъ мірѣ.

Въ это время прибылъ въ Парижъ главный агентъ Товіанскаго, его шуринъ, докторъ Гуттъ. Своею ревностью онъ придалъ Мицкевичу еще болѣе смѣлости **.

Но усердная агитація Мицкевича не приносила ожидаемыхъ плодовъ и тогда Товіанскій сдѣлалъ новую попытку. 8го декабря 1841 года онъ обратился съ печатнымъ возвра-

* *Przepl. Pozn.* 1858, XXV, 160.

** *Witwicki* въ *Przepl. Pozn.* I. c.

ниемъ къ эмигрантамъ въ которомъ приглашалъ ихъ при-
быть въ старинную, заброшенную церковь St. Séverin въ
отдаленномъ кварталѣ Парижа, близъ моста St. Michel. Это
воззваніе начинается словами: „Со временемъ станетъ яв-
нымъ и повѣстнымъ каждому то что донынѣ Богъ дер-
житъ въ тайнѣ“. Затѣмъ напоминаетъ имъ о милосер-
діи Божиимъ, которое имѣетъ излиться на Поляковъ чрезъ
его посредство и призываетъ ихъ къ покаянію; а далѣе чита-
емъ: „Пресвятая Королева короны Польской показала особое
благоволеніе къ старинной заброшенной часовнѣ въ самомъ
бѣдномъ кварталѣ Парижа и въ чудотворномъ образѣ вилен-
ской Остробрамской стѣшитъ туда для спасенія своего
народа“. Туда призывалъ Товіанскій Поляковъ приготовить-
ся „къ великому часу, который милосердый Богъ назначилъ
для открытія глубины мысли своей человеку“. „А пре-
жде чѣмъ пробьетъ этотъ часъ, нужно чтобы предъ Госпо-
домъ сталъ въ полной готовности *Легіонъ Господній*, ожив-
ленный однимъ огнемъ, соединенный однимъ огнемъ, легіонъ
который Господь укрѣпитъ своею силою и предопредѣлитъ
на великіе подвиги въ дѣлѣ Своемъ.“

Изъ двусмысленныхъ словъ воззванія ревностные католики
могли заключить что въ церкви Св. Северина находится насто-
ящій чудотворный образъ виленскій Остробрамскій; но ка-
ково было ихъ разочарованіе, когда они узнали что это была
копія, сдѣланная художникомъ Ванковичемъ, * не задол-
го предъ тѣмъ прибывшимъ въ Парижъ! Такимъ образомъ
и эта мистификація не удалась.

Вскорѣ Товіанскій долженъ былъ прекратить демонстраціи
въ церквахъ, такъ какъ парижскій архіепископъ, Дионисій,
увѣдомленный о предосудительныхъ его поступкахъ пре-
фектомъ полиціи, приказалъ священникамъ Парижа быть
осмотрительными въ отношеніи къ нему и не допускать по-
вторенія сценъ бывшихъ въ соборѣ Notre Dame de Paris и
въ церкви St. Séverin. **

Приходилось ограничиться частными бесѣдами и возложить
надежду на агитаторскую дѣятельность Мицкевича, который
въ этомъ отношеніи былъ неутомимъ. Онъ ходилъ ко всѣмъ

* *Przeegl. Pozn.* XXV, 161

** Письмо парижскаго архіепископа къ префекту полиціи —
Współdział I, 12.

сколько-нибудь выдающимся лицамъ въ польской эмиграціи, всячески соблазняли ихъ и повсюду разглашали что независимость Польши будетъ вскорѣ восстановлена, но не путемъ революціи и возстанія, а волею Божіею, чудомъ, что для возвѣщенія воли Божіей и грядущихъ великихъ событій прибылъ въ Парижъ Товіанскій, что напрасны всѣ партіи, напрасны всѣ усилія эмиграціи: ни вся она, ни отдѣльными лица входящая въ составъ ея не примутъ никакого участія въ возрожденіи Польши,—эмиграція должна быть только уведомлена о великомъ дѣлѣ.

Мицкевичъ повсюду объявлялъ что въ его квартирѣ по воскресеньямъ будутъ происходить конференціи въ присутствіи Товіанскаго, и приглашалъ всѣхъ на эти конференціи. При этомъ онъ предостерегалъ что Богъ приказалъ Товіанскому набрать изъ эмиграціи небольшой *священный легионъ* изъ сорока четырехъ лицъ, а потому сѣдуетъ спѣшить записываться въ этотъ легионъ у него, Мицкевича, такъ какъ по достиженіи этого числа никто больше не будетъ приниматься.

Чтобы попасть на конференціи, нужно было пройти чрезъ руки Мицкевича. Предварительно онъ подвергалъ каждаго строгому испытанію, употреблялъ все свое краснорѣчіе чтобъ овладѣть его умомъ; требовалъ отреченія отъ разума, отъ личныхъ убѣжденій, мѣсто которыхъ должна занять слѣпая вѣра; съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ онъ говорилъ о Товіанскомъ, и наконецъ прибѣгалъ къ магнетизму: онъ садился обыкновенно противъ лица съ которымъ бесѣдовалъ, такъ что касался его коѣнцами, долго держалъ его за руки и постоянно смотрѣлъ ему пристально въ глаза. Кто выдержалъ всѣ эти испытанія и кого онъ считалъ достойнымъ этой милости, тотъ получалъ доступъ на конференцію.

Предъ назначеннымъ часомъ Товіанскій обыкновенно скрывался въ одной изъ комнатъ квартиры Мицкевича, между тѣмъ какъ любопытные собирались въ гостиной. Позже онъ выходилъ къ нимъ, показывая видъ яко бы пришелъ изъ города, и приветствовалъ новыхъ слушателей, которыхъ представлялъ ему Мицкевичъ. Первая конференція была весьма бурная, и много на ней было сдѣлано возраженій. Вторую конференцію Товіанскій началъ словами: „Братья! я пришелъ не съ тѣмъ чтобы вести диспутъ съ вами, ибо истины которыя вамъ возвѣщаютъ святы. Кто хочетъ

познавъ ихъ, пусть сначала смирится, падеть на колѣна, исповѣдается и только тогда придетъ ко мнѣ, и я ему открою ихъ“... Но по прошествіи нѣсколькихъ минутъ всеобщаго молчанія онъ прибавилъ: „Братья! я къ вашимъ услугамъ. Спрашивайте, и я буду отвѣчать вамъ“.

Вопросовъ и возраженій дѣлалъ много на каждой конференціи. На нѣкоторые изъ нихъ Товіанскій отвѣчалъ; но его отвѣты были темные и не успокоительные: было видно что онъ или не понималъ задаваемыхъ ему вопросовъ, или не хотѣлъ отвѣчать на нихъ ясно. Притомъ важнѣйшія возраженія опровергалъ Мицкевичъ, предварительно испрашивая на то позволенія Товіанскаго и заявляя что чувствуетъ нагнетіе Св. Духа.

На третьей или четвертой конференціи, когда Товіанскій совѣтовалъ всѣмъ приходящимъ къ нему исповѣдываться, одинъ изъ слушателей задалъ ему такой вопросъ: „Ты много говоришь объ испорченности римско-католической церкви, и слова твои убѣдительны, ты приказываешь исповѣдываться—хорошо; но если я скажу духовнику на исповѣди то что слышалъ изъ устъ твоихъ, онъ, какъ слуга церкви, не дастъ мнѣ разрѣшенія въ грѣхахъ; если же я утаю, то исповѣдь будетъ недействительна. Какъ же мнѣ слѣдуетъ поступить въ такомъ случаѣ?“ На это Товіанскій отвѣчалъ: „Братъ! если ты искренно желаешь исповѣдаться, то приходи ко мнѣ и я дамъ тебѣ духовника какого нужно“.

Возраженія и вопросы которые дѣлалъ Товіанскому чрезвычайно сердили Мицкевича. Онъ говорилъ что тутъ не школа философскихъ диспутовъ, что приди на конференцію нужно *слушать* и *вѣрить*. Намъ самимъ, — говоритъ Владиславъ Голембѣвскій, * *разказъ котораго мы повторили дословно*,—когда выходя изъ второй конференціи мы просили увѣдомить о свидующей, Мицкевичъ съ необыкновеннымъ жаромъ отвѣчалъ: „если ты не вѣруешь, то лучше не приходи, ибо вашъ разумъ недостаточенъ чтобы убѣдить тебя“.

Заимствуемъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей о Товіанскомъ и его конференціяхъ изъ того же источника. **

Товіанскій былъ средняго роста, немного лысый; черты его лица были неправильны и не производила никакого впечатлѣ-

* *Mickiewicz odstoniony i Towiańszczyzna*, 63—65.

** *Ibid.* 65—67.

тѣла; его движенія, особенно рукъ и ногъ, были неуклюжи и лишены всякаго достоинства. Онъ носилъ длинный сюртукъ бровзнаго цвѣта, застегнутый на груди, со стоячимъ воротникомъ. Только Мицкевичъ, называвшій Товіанскаго новымъ мессіей, могъ съ восторгомъ говорить о его краснорѣчіи; но краснорѣчіемъ нельзя назвать боатовню мистическую, бессмысленную, утѣшительную провинціализма и причудливыми выраженіями, а въ писаніяхъ новаго мессіи не только видно незнаніе грамматики, но часто нѣтъ даже простаго смысла.

На первыхъ двухъ конференціяхъ Мицкевичъ и слушатели называли Товіанскаго *братомъ*, но съ третьей начали титуловать *учителемъ* (mistrz). Какъ только собралось болѣе 20 учениковъ, конференціи были закрыты, вѣроятно потому что Мицкевичъ, имѣя зародышъ секты, полагалъ что она сама собою легко распространится, безъ компрометирующихъ учителей конференцій. Желающихъ вступить въ кружокъ Товіанскаго онъ подвергалъ попрежнему строгому испытанію и старался узнать ихъ чувства, склонности, страсти и даже пороки; а лжеже даже исповѣдывалъ ихъ и такимъ образомъ узнавалъ сокровеннѣйшія ихъ помышленія. Наконецъ неопиты, прежде чѣмъ предстануть предъ лицомъ Товіанскаго, должны были отречься отъ разума, воспоминаній и убѣжденій и покаяться сѣбно всему вѣрить. „На что вамъ науки, на что вамъ знанія“, говорилъ Мицкевичъ; „то что услышите изъ устъ Товіанскаго замѣнить вамъ все“. Затѣмъ слѣдовало представленіе Товіанскому. Онъ говорилъ съ каждымъ отдѣльно, обѣщалъ великія милости отъ Господа, великое предназначеніе; каждый онъ признавалъ великимъ человѣкомъ; въ каждый вступалъ какой-нибудь духъ: въ одного духъ Св. Петра, въ другого духъ Цезаря, въ третьяго духъ Семистокла и т. д. Въ комъ были военныя склонности, тому обѣщалъ что будетъ знаменитымъ генераломъ; людямъ самолюбивымъ обѣщалъ высшія государственныя должности; нѣкоторымъ онъ даже запрещалъ трудиться, такъ какъ трудъ вреденъ для ихъ духа. Новопосвященные отличились въ началѣ горячею аlostольскою дѣятельностью; они вербовали въ свой кружокъ преимущественно умалишенныхъ, которыхъ было значительное число въ эмиграціи. По словамъ Товіанскаго, они пользовались особою Божіею милостью, въ нихъ вступали великіе духи и только простые смертные не

могутъ понимать ихъ. Въ *Священномъ Легионѣ* было въ началѣ нѣсколько сумашедшихъ.

Такъ разказываетъ о зачаткахъ товѣанизма одинъ изъ первыхъ посѣтителей конференцій происходившихъ у Мицкевича, и мы не вправѣ не вѣрить ему, такъ какъ его брошюра, изданная въ Парижѣ въ 1844 году, во время процвѣтанія товѣанизма, не вызвала никакихъ опроверженій. При томъ же она отличается такою искренностію и правдивостію и сообщаетъ такіа подробности что невольно возбуждаетъ къ себѣ довѣріе. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей подтверждаются документами, недавно изданными въ Парижѣ. Такъ Мицкевичъ писалъ Игнатію Домейкѣ въ Америку: „Богъ послалъ намъ чрезвычайнаго человѣка, орудіе дивныхъ милостей. То чтó я уже знаю отъ него столь велико что стоило бы ѣхать въ Америку и возвратиться изъ Америки чтобы слышать подобныя вещи.... По моему убѣжденію, это величайшій философъ, мудрецъ и политикъ нашего вѣка. Съ той минуты какъ я встрѣтился съ нимъ для меня уже окончилась эмиграція: столь я полонъ надежды что Богъ вскорѣ чуднымъ образомъ насъ воздвигнетъ.... Великое дѣло вскорѣ начнется на свѣтѣ.... Богъ произведетъ переворотъ въ Европѣ и новый порядокъ вещей будетъ установленъ Польшею.“ * А въ письмѣ къ ксендзу Александру Едовецкому ** Мицкевичъ такъ отзывался о Товѣанскомъ: „Товѣанскій никому не навязываетъ своего убѣжденія... Его правило никогда ни съ кѣмъ не разсуждать. Кто желаетъ отъ него совѣта, получать; кто хочетъ препираться, тому не нужно видаться съ нимъ“.

Великій Постъ Товѣанскій проводилъ въ одиночествѣ, только изрѣдка и на короткое время выдавалъ съ Мицкевичемъ. По приказанію „учителя“, Мицкевичъ долженъ былъ 17го марта, въ десять часовъ утра, собрать у себя „братьевъ“ и, прочитавъ имъ подъ хоругвию Христа, нарочиво привезенною изъ Нантерра, воззваніе Товѣанскаго, *отрѣчься* вмѣстѣ съ ними *сатаны*. На это собраніе должно было прибыть много людей „доброй воли“ и въ числѣ ихъ французскій мистикъ Пьерръ-Мишель. *** А 3го апрѣля Товѣанскій писалъ Мицке-

* *Współdziat* I, 14—15.

** Тамъ же 16: *Do księdza A. Śelowieckiego w Wersalu, Paryż, 25 Lutego 1842.*

*** *Ibid.* I, 16—17.

вчу чтобъ онъ вмѣстѣ съ полковникомъ Карломъ Ружицкимъ отправился въ великій четвергъ къ князю Адаму Чарторыйскому и вручилъ ему ноту и воззваніе Товіанскаго къ эмиграціи. * Нѣтъ сомнѣнія что Мицкевичъ непрекословно исполнялъ приказанія своего „учителя“; но къ какимъ результатамъ это приводило, неизвѣстно.

1го мая Мицкевичъ, какъ профессоръ въ Collège de France, съ товарищами по службѣ отправился въ Тюльри для поздравленія короля Лудовика-Филиппа съ днемъ его тезоименитства. Вмѣстѣ съ нимъ пробрался во дворецъ Товіанскій и едва только въ приемныхъ залахъ былъ задержанъ. Его приверженцы придали этому случаю важное значеніе. **

3
5
4
6
7
5
Эго числа того же мѣсяца на засѣданіи Польскаго Историко-Литературнаго Общества Мицкевичъ, бывший его председателемъ со смерти извѣстнаго поэта и историка Нѣмцевича (1841 года), сказалъ рѣчь. *** Въ началѣ ея онъ представилъ по-своему положеніе эмиграціи и ея призваніе: „Главное наше призваніе состоитъ не въ томъ чтобы мы давали отечеству совѣты и наставленія; не за тѣмъ оно насъ послало, не въ томъ оно отъ насъ нуждается. Долго ли же мы будемъ, пишучи и совѣтуя, ждать? пока все вымереть? Столькихъ уже мы проводили рѣчами, а рѣчи эти были такъ печальны, такъ мрачны, какъ будто бы мы провожали наше отечество и вмѣстѣ съ нимъ сами шли въ могилу. Довольно замыкаться въ прошломъ, скрывать сердце свое; настали нынѣ времена, нужно все снять съ себя, раскрыть, показать голую душу и въ ней все найти: ибо знайте что вы уже ничего не имѣете: имя, почести, саны давно съ васъ содраны и далеко прочь брошены...“ Далѣе Мицкевичъ предсказывалъ „что приблизились времена, что снизошло великое милосердіе Божіе: настала часъ воскресенія отечества... Вы ждали мессіи, а мессія былъ между вами.“ Онъ даже сравнилъ эмигрантовъ съ галилейскими дѣвами, пришедшими искать во гробъ воскресшаго Христа, и прибавилъ: „Возстало изъ мертвыхъ отечество ваше—оно посреди васъ“. Чтобъ увидѣть его, нужно податься до него духомъ. Закончилъ свою рѣчь

* Ibid. 20.

** Witwicki (*Przeegl. Pozn.* XXV, 162). — L'Homme de l'époque (*Współudz.* II, 260).

*** *Współudz.* I, 23—26.

словами: „Не будемъ ни на что оглядываться, отбросимъ всякія соображенія. Между нами нѣтъ разницы возраста, почестей происхожденія, богатствъ: всѣ мы равны, ибо на всѣхъ насъ одинаковое помазаніе. Людямъ вѣщимъ саудуетъ идти впереди братьевъ, указывать пути народовъ; но теперь мало этого: нужно предчувствіе обратить въ дѣйствіе, такъ выработать духъ свой чтобъ его вдохновеніе было дѣломъ. Отнынѣ вы увидите меня всегда тамъ куда буду вести васъ, подставляя собственную грудь. Пришелъ часъ когда вдохновеніе должно быть дѣломъ, а дѣло вдохновеніемъ; ибо въ дѣлѣ Божиемъ, какъ въ грозѣ, одинъ только ударъ: между молніей и ея ударомъ нѣтъ предѣла.“

Не одинаковое впечатлѣніе произвела на слушателей эта мистическая рѣчь польскаго поэта: люди болѣе серьезные, понимавшіе ея несумѣстность, были раздражены, но за то послѣдователи Товіанскаго и люди склонные къ мистицизму были въ восторгѣ: вскорѣ послѣ этой рѣчи укомплектовалось заповѣдное число Товіанщикоу — 44. Большею частью это были уроженцы Литвы и давнишніе пріатели Мицкевича. По способностямъ и заслугамъ самое видное мѣсто между товіанщиками занимали Ружицкій, Гоцинскій и Словацкій.

Карлъ Ружицкій, по собственнымъ его словамъ *, служилъ въ польскомъ войскѣ съ 1809 по 1827 годъ; въ 1831 году онъ былъ главою возстанія на Волыни, а потомъ переселился во Францію, гдѣ пользовался всеобщимъ уваженіемъ эмигрантовъ. Это былъ человекъ правдивый, храбрый воинъ, примѣрный патріотъ и ревностный католикъ. Говорятъ что его военнымъ лозунгомъ было *Слава Богу* и что его корпусъ вмѣсто знамени имѣлъ образъ Богородицы **: Онъ былъ однимъ изъ первыхъ послѣдователей Товіанскаго и игралъ важную роль въ его кружкѣ. Проникшись совершенно его ученіемъ и чистосердечно признавъ въ немъ новаго мессію, посланнаго Богомъ для спасенія человѣчества и возрожденія Поляковъ, Ружицкій навсегда остался самымъ горячимъ его приверженцемъ и самымъ яркимъ его защитникомъ ***.

* Ibid. II, 273.—Срв. его же Pamiętnik pułku jazdy wołyńskiej 1831.

** Письмо ксендза Эдуарда Дукокаго къ парижскому архіепископу изъ Цюриха отъ 3 декабря 1850 года. Ibid. 145.

*** Какъ это видно изъ всеподданнѣйшаго его прошенія государю императору, отъ 27 декабря 1856 года. Ibid. 274—282.

Северинъ Гоцинскій уроженецъ Кіевской губерніи, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ польскихъ поэтовъ новаго времени, особенно прославившійся поэмою *Канѣвскій Замокъ* (1828), товарищъ и другъ знаменитаго поэта Богдана Залѣскаго и литературныхъ критиковъ Мохнацкаго и Грабовскаго, принималъ самое дѣятельное участіе въ возстаніи 1830—1831 годовъ, а по усмиреніи этого возстанія поселился въ Парижѣ. Онъ былъ также однимъ изъ первыхъ и самыхъ ревностныхъ послѣдователей Товіанскаго. Мрачная фантазія поэта, его идеализація Наполеона I и вѣра въ „воскресеніе“ Польши родили его съ Товіанскимъ. Къ нему онъ относился съ величайшимъ уваженіемъ и приписывалъ ему свое нравственное возрожденіе *.

Позже нѣхъ, именно въ юль 1842 года, вступилъ въ кружокъ товіанщиковъ Юлій Словацкій, ослѣпившій у Мицкевича литературное первенство. Онъ былъ уроженцемъ Подольской губерніи, а воспитаніе получалъ въ Виленскомъ университетѣ. Съ 1828 года былъ на службѣ въ Варшавѣ и въ началѣ возстанія 1830—1831 годовъ писалъ революціонныя лѣсни. Отчаявшись въ успѣхъ возстанія и боясь кары, онъ уѣхалъ въ мартѣ 1831 года за границу и болѣе не возвращался на родину. Байронистъ въ душѣ, онъ странствовалъ по Европѣ, былъ въ Египтѣ и Малой Азіи и нигдѣ не находилъ душевнаго спокойствія; повсюду его преслѣдовало разочарованіе, недовольство собою и людьми. Въ 1839 году онъ окончательно поселился въ Парижѣ. Хотя ему было тогда только 30 лѣтъ, онъ пользовался уже громкою извѣстностью, какъ авторъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ трагедій и поэмъ, содержаніе которыхъ болшею частью заимствовалъ изъ исторіи Польши и Литвы. Съ эмигрантами онъ не ладилъ, а съ Мицкевичемъ враждовалъ. Считаая себя равнымъ съ нимъ по таланту, онъ не могъ простить ему его надменныхъ отзывовъ объ его произведеніяхъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ онъ сошелся съ Товіанскимъ и примирился съ Мицкевичемъ. Это сближеніе намъ кажется впрочемъ весьма естественнымъ: Словацкій, жившій постоянно въ фантастическомъ мірѣ, имъ самимъ создаваемомъ, мечтательный, разочарованный, былъ способенъе другихъ

* *Dziela Seweryna Goszczyńskiego* (w Wrocławiu 1852) t. I, str. XI—XII.

увлечья мистицизмомъ Товіанскаго. И онъ увлекся имъ со всею страстностью своей натуры, какъ видно изъ послѣднихъ его произведеній. Товіанцики на него много разчитывали; но по независимости характера онъ не могъ долго держать подчиненныхъ отношеній къ Мицкевичу, выдѣлился изъ общаго кружка и составилъ свой собственный.

Увлеченный успѣхомъ среди польской эмиграціи, Товіанскій сталъ помышлять о пропагандѣ между Французами и въ этомъ смыслѣ написалъ 15 іюня инструкцію для своихъ послѣдователей: *

„Распространять слово Господне за предѣлы кружка чтобы оно просвѣтило Францію, войти въ сношенія съ братомъ Французомъ и не скрывать отъ него ни чувствъ, ни мыслей... *Говорить что Господь смилостивится сначала надъ Франціей, а потомъ надъ славянскими народами.* Въ этомъ заключается верхъ политики. Къ такому сближенію, къ такому истинному братству призываются чистые Французы...“

Изъ инструкціи Товіанскаго видно что онъ съ большою разчетливостью старался дѣйствовать прежде всего на самолюбіе Французовъ. Но исполнители его предписаній дѣйствовали съ меньшею осмотрительностью и слѣшкомъ увлекались ревностію къ „дѣлу“. Болѣе всѣхъ увлекался Мицкевичъ, какъ видно изъ слѣдующаго разказа объ аудіенціи которую онъ имѣлъ у парижскаго архіепископа Affre, по просьбѣ польскихъ ксендзовъ, надѣявшихся на возвращеніе его въ лоно католической церкви. **

Выставивъ себя самымъ правовѣрнымъ католикомъ, Мицкевичъ приступилъ къ инквизиторскому допросу архіепископа. „Считаешь ли себя хорошимъ епископомъ?“ спрашивалъ онъ. Удивленный архіепископъ отвѣчалъ: „Такого хорошаго мнѣнія о себѣ не имѣю; но что васъ поражаетъ во мнѣ?“— „Я былъ недавно, говорилъ Мицкевичъ, на застѣданіи такъ-называемаго католическаго института; какой-то молокососъ раздушенный, надменный, читалъ какую-то плохую статейку, а ты, пастырь, похвалялъ его публично.“— „Что дѣлать, г. Мицкевичъ, спокойно возразилъ архіепископъ,

* Ibid. I, 26—27.

** Ibid. 30—31: разказъ ксендза Іеронима Кайсевича, который вмѣстѣ съ ксендзомъ Дунокимъ испытывалъ Мицкевича въ католическомъ правовѣріи.

вѣра нынѣ такъ ослабла что мы поощряемъ всякое усиліе къ добру.“—„Правда, тамъ тебя не было, пастырѣ, замѣтилъ грубо Мицкевичъ; а потомъ, какъ ты проводишь время? Издаешь книжонку; положимъ, онѣ хороши, но въ концѣ-концовъ и свѣтскій человекъ, знающій хорошо катехизисъ, могъ бы написать подобныя. А что хуже, ты безпрестанно пишешь то къ префекту, то къ министрамъ; Господа Боже, развѣ такое занятіе тебѣ подобаетъ? найми себѣ лица для такого маранія, а самъ заботься о епископскихъ обязанностяхъ.“ Архіепископъ вмѣсто того чтобы придти въ негодование, кротко спросилъ: „Итакъ, что же я по-твоему долженъ дѣлать?“ Мицкевичъ говорилъ ему еще съ жаромъ и съ большею дерзостью: „Католическая церковь въ Польшѣ преслѣдуется схизматиками; а ты со своими коллегами откликнулся ли когда въ ея защиту? скажу болѣе: не разъ случается что въ этомъ городѣ ваши духовныя дѣти убиваютъ другъ друга на улицахъ; а стараетесь ли вы обезоружить ихъ, какъ дѣлали въ подобныхъ случаяхъ великіе епископы давнихъ вѣковъ?“— „Скажи же, наконецъ, повторилъ архіепископъ, чего ты отъ меня требуешь?“ Мицкевичъ, какъ обыкновенно новаторы, сильные и неумѣренные въ критикѣ и слабые когда приходится представить программу, отвѣчалъ на это: „Я простой мірянинъ, а ты епископъ: молись Духу Святому и уразумѣешь что дѣлать. Но непременно сдѣлай что-нибудь такое чтобы народъ падалъ на колѣна предъ тобой когда ты выходишь на улицу, просилъ у тебя благословенія и, получивъ таковое, вѣрилъ что сталъ лучшимъ и въ дѣйствительности сдѣлался лучшимъ. Слодобись этого и будешь настоящимъ епископомъ. Прощай!“ и съ этими словами вышелъ.

Послѣ этого разговора архіепископъ такъ добродушно отозвался ксендзу Кайсевичу о Мицкевичѣ: „Вашъ поэтъ—человекъ экзальтированный, но у него добрыя намѣренія, а потому не отвергайте его и будьте съ нимъ терпѣливы“. Но съ тѣхъ поръ польскіе ксендзы отступились отъ Мицкевича какъ отъ неисправимаго еретика.

Около этого времени неожиданно скончался принцъ Ораванскій. Товіанщикои начали разглашать что „учитель“ предсказалъ его смерть, какъ это извѣстно близкимъ къ нему людямъ. Они утверждали даже что Товіанскій можетъ воскресить принца Ораванскаго, о чемъ уже два раза писалъ королю, но что король, убитый горемъ или же не довѣряя чудотвор-

ной силѣ новаго мессіи, отвергъ его предложеніе. Товіанскій предсказывалъ также что король Лудовикъ-Филиппъ умретъ въ теченіе года. *

Эти предсказанія дошли до свѣдѣнія префекта полиціи, и онъ, считая вреднымъ дальнѣйшее пребываніе Товіанскаго въ Парижѣ, гдѣ въ то время усердно работали клубы коммунистовъ и социалистовъ, приказалъ ему, 13го іюля, немедленно выѣхать изъ Франціи; ** но Товіанскій только 18го числа покинулъ Парижъ и отправился въ Бельгію. Предъ отъѣздомъ онъ простился со своими послѣдователями посланіемъ, *** въ которомъ говоритъ сначала что покидаетъ ихъ „по приказанію Пресвятой Королевы“, а вслѣдъ за тѣмъ признается что *долженъ уступить насилію*, самъ не замѣчая такого бросающагося въ глаза противорѣчія.

„Стойте твердо томъ же стѣной которую мы соорудили для Бога и Его святаго дѣла, стойте среди всеобщаго еще наводненія и исправляйте неизбежные ущербы подъ тѣми же знаменіями подъ которыми мы обрѣли отечество и минутой радости“ и т. д. Не много утѣшенія должны были найти товіанцики въ такихъ туманныхъ и противорѣчивыхъ выраженіяхъ своего „учителя“, покидавшаго ихъ въ далеко не благопріятныхъ обстоятельствахъ. Когда при прощаніи они спрашивали его, скоро ли вернутся въ Польшу, онъ отвѣчалъ: черезъ двадцать, тридцать, а можетъ-быть и болѣе лѣтъ, такъ какъ Пресвятая Богородица, разгнѣвавшись на эмиграцію, за то что она не приняла его ученія, осудила ее на болѣе продолжительное изгнаніе. **** Въ противорѣчій съ этими словами находится письмо Товіанскаго къ Мицкевичу изъ Senlis отъ 27го іюля, † въ которомъ онъ говоритъ что „пора пришла, когда источникъ свѣта Божія влодѣтъ открылся“, что „приближается время милосердія Божія.“

Изгнаніе Товіанскаго изъ Парижа было тяжелымъ ударомъ для его послѣдователей, какъ они сами признаются въ прошеніи къ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 7го августа: †*

* W. Gołombowski 67—8.

** Pieniązek 93.

*** *Współdział* I, 32—3.

**** W. Gołombowski 68.

† *Współdział* I, 34—5.

†* *Ibid.* II, 175—7; I, 37—8.

„Каждый изъ насъ чувствуетъ его отсутствіе какъ величайшее наказаніе которое приходилось намъ испытывать въ жизни и безъ того полной жестокихъ испытаній.“ Въ надеждѣ что министръ разрѣшитъ Товіанскому вернуться въ Парижъ, они „ручались за чистоту его намѣреній и его поведенія“. По ихъ выраженію, „его слово примиряло ихъ съ Богомъ, съ самими собою и съ тяжкими ихъ обязанностями; оно утверждало ихъ въ чувствахъ христіанскихъ и польскихъ, оно врачевало болѣзни тѣла и души“.— „Мы признали это слово, продолжають они, словомъ истины и жизни; мы признали Андрея Товіанскаго однимъ изъ тѣхъ людей которыхъ Провидѣніе посылаетъ народамъ въ величайшія эпохи своего милосердія.“ Несмотря однако на такую горячую защиту Товіанскаго и на ручательство сорока пяти лицъ (сорока четырехъ мужчинъ и одной женщины, жены Мицкевича), ему не было дозволено возвратиться во Францію.

Изъ подписей на этомъ прошеніи видно что кружокъ Товіанскаго былъ тогда въ полномъ комплектѣ и что на сорокъ четыре члена приходилось двадцать три военныхъ; въ числѣ остальныхъ было четыре студента, три поэта, одинъ князь (Рогуальдъ Гедройцъ), одинъ графъ (Северинъ Пильховскій) и одинъ инженеръ.

Потерпѣвъ неудачу въ Парижѣ, Мицкевичъ обратился къ Бельгійскому королю съ просьбой о допущеніи его на аудіенцію для представленія ему „официальнаго акта о личности Андрея Товіанскаго (то-есть вышепомянутаго прошенія къ французскому министру внутреннихъ дѣлъ)“, якобы для пользы самого короля. * Но и эта просьба Мицкевича была оставлена безъ послѣдствій.

Несмотря на эти неудачи, кружокъ Товіанскаго, сильно тосковавшій по немъ и дѣйствовавшій весьма вяло, побуждалъ Мицкевича обратиться снова въ совѣтъ министровъ или къ королю; но онъ не рѣшался. На него самого нашло большое уныніе. Онъ чувствовалъ всю тяжесть своего положенія и свою безпомощность *въ борьбѣ со зломъ*. Сношенія съ Французами не удавались. Тяжелые сны его тревожили. **

* Ibid. I, 38—9.

** Письмо Мицкевича къ Товіанскому отъ 11го сентября 1842 года (ibid. 39—40).

Каково было положеніе товѣнщиковъ по отъѣздѣ изъ Парижа ихъ „учителя“ видно изъ письма Мицкевича къ Игнатию Домейкѣ, отъ 22го октября: *

„Нашъ учитель оставилъ здѣсь кружокъ учениковъ. Мы выставлены на штурмъ цѣлой эмиграціи. Всѣ смѣшались. Князь Чарторыйскій и его партія считаютъ насъ сумасшедшими, демократы—партизанами Москвы, а военные—узурпаторами ихъ ранговъ. Пишутъ, кричатъ, а мы молчимъ. Война сосредоточилась въ стѣнахъ церкви: тамъ всѣ собираются. У Св. Роха ксендзы говорятъ польскія проповѣди противъ насъ, какъ противъ еретиковъ, и люди которые никогда не заглядывали въ костелъ приходятъ съ молитвенниками чтобы сдѣлать противъ насъ манифестацію. А я увѣряю тебя что нигдѣ нѣтъ такой молитвы какъ въ нашемъ кружкѣ, и такой благодати ни на кого Богъ не изливаетъ. Какъ ты это поймешь? Прочти Евангеліе отъ Иоанна, и тамъ найдешь нашу исторію. И познай духомъ, если можешь, что учитель нашъ не упраздняетъ закона, но его дополняетъ и создаетъ третій этажъ церкви, не разрушая нижнихъ, а утверждая ихъ. Уже Израиль начинаетъ съ нами соединяться, усматривая эпоху своего возвращенія ко Христу, и протестанта имѣемъ, ** который пошелъ съ нами пасть у алтара Богородицы, и глухая вѣсть уже пошла по Парижу. Но немногимъ дано почувствовать и уразумѣть то что совершается. Ксендзы наши, Кайсевичъ и Дунскій противъ насъ. Витвицкій преслѣдуетъ насъ какъ еретиковъ. Богданъ (Залѣскій) избѣгаетъ насъ со страхомъ. Надѣмся что Богъ ихъ просвѣтитъ. Всѣ прежнія связи рвутся и дивно переплетаются. Не удивляйся что Хелховскій насъ проклинаетъ. *** Семейство моей жены боится насъ, и мы совсѣмъ перестали видаться. Французскому правительству наши наговорили на меня, если не обвинили. Суда по всему тому что здѣсь дѣлается, удивляюсь что правительство еще меня не изгнало... Богу только извѣстно что

* Ibid. 46—7.

** Здѣсь идетъ рѣчь о прозелитахъ изъ Евреевъ и протестантовъ.

*** Одинъ изъ первыхъ и ревностѣйшихъ учениковъ Товѣнскаго, продавшій свою мебель и поселившійся въ гостиницѣ чтобы быть менѣе зависимымъ и менѣе прикованнымъ къ мѣсту, по собственному его выраженію (ibid. 9).

будетъ далѣе; навѣрно не кончится словами. Если по возвращеніи не найдешь меня въ живыхъ, то возьми на свое по-
леченіе одного изъ моихъ дѣтей"... Посылая при этомъ копію
прошенія министру, Мицкевичъ замѣчаетъ: „Увидишь по под-
писямъ удивительное собраніе лицъ которыя прежде не были
между собою знакомы, а теперь живутъ однимъ духомъ и
одно сердце въ нихъ бьется; всѣ тѣ имена которыхъ прочита-
ешь на кофѣвахъ слушали учителя, а многіе въ растяжку
падали на землю къ ногамъ его!“

Нѣсколько лозже (3го ноября) Мицкевичъ писалъ Товіан-
скому: * „Наши ксендзы въ ослѣпленіи постоянно кричатъ
на насъ, аристократы въ органѣ Замойскаго насъ чернятъ,
демократы-студенты,—да проститъ имъ Богъ!—ругаютъ не
вѣдая чтѣ творять"... А въ письмѣ къ И. Домейкѣ, отъ 21
числа того же мѣсяца, ** читаемъ: „Я могъ бы быть несмѣ-
ляемымъ профессоромъ (inamovible), еслибы принялъ фран-
цузское подданство, но я не хочу этого сдѣлать, потому
что всѣ мы, ученики Андрея, находимся въ тяжеломъ поло-
женіи, будучи преслѣдуемы земляками и въ подозрѣніи у
правительства. Я не могу думать о своей выгодѣ, когда дру-
гіе въ опасности. Да будетъ воля Божія! Могутъ лишить
меня должности или изгнать.“

Тѣмъ же мѣсяце *кружокъ* (Koło) Товіанскаго по его отъ-
здѣ изъ Парижа окончательно организовался. Онъ былъ
раздѣленъ на *семьки* (siódemki) изъ 7 меньшихъ духовъ
подъ начальствомъ 8го высшего духа. *** Начальники семе-
рокъ назывались *стражами* (stróże). Они были подчи-
нены Мицкевичу, *напѣстнику* (zastępca) Товіанскаго, титу-
ловавшагося *учителемъ* (mistrz). Члены кружка назывались
братьями (bracia) или слугами дѣла Божія (słudzy sprawy
Bożej) или *слугами Господними* (słudzy Pańscy). **** Дѣлами
кружка завѣдывало *правленіе* (urząd) называющееся иногда
правленіемъ Божіимъ (urząd Boży), или *правленіемъ дѣла
Божья* (urząd sprawu Bożej). Оно состояло изъ Мицкевича,
котораго Товіанскій называлъ *братомъ вѣщимъ* (brat wieszcz),
и Карла Ружицкаго, котораго онъ титуловалъ *братомъ*

* Ibid. 51.

** Ibid. 52.

*** Gołombiowski, 69.

**** Ibid. 107—176.

создема дѣла Божія (brat wódz sprawy Bożej). * Иногда Мицкевичъ приглашалъ на совѣщаніе нѣкоторыхъ самыхъ доверенныхъ стражей, обязывавшихся держать въ тайнѣ то что было между ними говорено и что было ими постановлено. ** Прямыхъ указаній на дѣйствіа этого правленія сохранилось мало. 5го августа 1843. Тоніанскій писалъ изъ Брюсселя что настала пора связанія *правленіемъ Божиимъ* (przez urząd Boży) тѣловъ духа и земли, бывшихъ дотолѣ раздѣленными. *** 16 марта 1845 года Мицкевичъ *отъ имени правленія* (od urzędu) далъ стражамъ слѣдующую инструкцію: ****

I. Стражи приглашаются напомнить братьямъ по семеркамъ трудъ который въ прошломъ году исполнилъ кружокъ, приступая къ св. причащенію. Нынѣ братья приглашаются:

1) Провести шесть дней великой недѣли въ *духовномъ постѣ*, избѣгая всякихъ разговоровъ которые не были бы въ связи со святѣйшимъ предметомъ которымъ нынѣ мы заняты.

2) Молиться ежедневно Св. Дарамъ, какъ видимому тѣлу Христову.

3) Предать забвенію все что могло быть поводомъ ко взаимному недоразумѣнію и обратить все вниманіе на самихъ себя, испытуя собственную совѣсть, насколько каждый согрѣшилъ, задерживая усовершенствованіе своего духа, насколько попралъ благодать Св. Духа и чрезъ то согрѣшилъ противъ Св. Духа. (На подобный грѣхъ церковь до сихъ поръ не обращала вниманія.)

4) Чтеніе IV книги о подражаніи Іисусу Христу много можетъ облегчить братьямъ уразумѣніе тайны волащенія, которая есть плодъ высочайшей любви, какую Христосъ показалъ; а размышляя о тайнѣ волащенія Христова, будемъ стараться чтобы Богъ сподобилъ насъ со всею сердечною теплотою причаститься Св. Таинъ въ день Воскресенія Господа, дабы мы могли какъ можно скорѣе соединиться духомъ и тѣломъ съ нашимъ Учителемъ; забудемъ что мы сыны земли, что мы Поляки и, помня что мы ничто сами

* *Wspóludział* II, 40—1.

** *Ibid* I, 273—4.

*** *Ibid* 107.

**** *Ibid* 214—5.

по себѣ и что мы сильны только у Бога и чрезъ Бога, постараемся соединить души ваши съ духомъ Христа, съ духомъ Учителя: ибо только такое причащеніе принесетъ дѣйствительную пользу въ будущей жизни.

II. Исповѣдываться братья могутъ въ какомъ угодно храмѣ, но къ причащенію приступимъ все вмѣстѣ за равнею мшой у „Иввалидовъ“.

III. Братъ Адамъ проситъ братьевъ чтобы въ субботу, въ четыре часа пополудни они помолились въ церкви о исполненіи благодати Божіей на *правление которое Богъ установилъ среди насъ* (aby urząd który Bóg postawił wśród nas łaską swą zasilić naszymi).

Семерки сами выбирали себѣ *стражей* которые были ихъ блюстителями и наставниками; Мицкевичъ не вмешивался въ ихъ частныя дѣла, но только иногда приглашалъ къ себѣ на совѣщаніе братьевъ изъ семерокъ, выслушивалъ ихъ *духовные рапорты* (raport duchowy) и выспытывалъ на исповѣди ихъ мнѣніе о себѣ. * Мицкевичъ не оставалъ ихъ устными и письменными наставленіями, а иногда обращался къ нимъ со словомъ и самъ Товіанскій. Такъ 27 мая 1843 года Мицкевичъ письменно побуждалъ семерки къ самостоятельности, ** совѣтуя не полагаться на дѣятельность „учителя“ и его намѣстника: каждый долженъ готовиться къ исполненію воли Божіей по первому данному знаку; нужно постоянно совершенствоваться; на такую духовную работу лучше всего посвящать утро.

Разъ (10 сентября 1843 года, изъ Лозанны) отозвался самъ Товіанскій къ семеркамъ: *** въ весьма туманныхъ выраженіяхъ онъ рекомендуетъ самостоятельность, а въ другой разъ чрезъ Ромуальда (Янушкевича?) приказалъ Мицкевичу проповѣдывать по семеркамъ умерщвленіе плоти. ****

Стражи были посредниками между Мицкевичемъ и семерками: они передавали подчиненнымъ имъ братьямъ его приказанія † и письма получаемыя отъ Товіанскаго; †* они руко-

* Ibid. 87.

** Ibid. 89, 94.

*** Ibid. 111—112.

**** Ibid. 198—199.

† *Współdział* I, 136.

†* Ibid. 228, 262.

водили занятіями братьевъ по инструкціямъ даннымъ Мицкевичемъ; * они представляли ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; ** Мицкевичъ призывалъ ихъ на совѣщанія, и въ чемъ онъ съ ними вполнѣ соглашался то передавалось семеркамъ для исполненія.

Иногда стражи собирались на совѣщанія между собою. Важнѣйшія дѣла на такихъ совѣщаніяхъ рѣшались посредствомъ баллотировки. *** Обязанности стражей въ отношеніи къ братьямъ были весьма тяжелыя: „На стражѣ семерки лежить тяжелый крестъ и большая отвѣтственность предъ Богомъ,“ говоритъ Товіанскій. **** „Воля Божія гнететъ брата-стража этимъ крестомъ, а нами предоставляется ему всякая свобода. Онъ имѣетъ право для укрѣпленія себя въ жертвѣ, которую приноситъ по обязанности, призвать брата, въ которомъ призываетъ силу духа и симпатію, и въ немощи своего духа или тѣла доверитъ ему исправленіе своей должности, а братья семерки думаютъ только объ одномъ—о хлѣбѣ насущномъ.“ Братья обращались къ своимъ стражамъ за совѣтами. † Стражи не только руководили занятіями братьевъ, †* но даже исповѣдывали ихъ. †**

Братья, трудившіеся обыкновенно въ семеркахъ, †*** сходились изрѣдка на *общія собранія кружка*, происходившія не у Мицкевича, а въ особо нанятомъ съ этою цѣлью помѣщеніи. †† На этихъ собраніяхъ Мицкевичъ давалъ наставленія братьямъ и излагалъ имъ ученіе Товіанскаго. Первое собраніе кружка, насколько можно судить по издааннымъ актамъ, происходило въ ноябрѣ 1842 года въ день Св. Андрея, то-есть въ именины Товіанскаго. На этомъ собраніи Мицкевичъ заявилъ что со времени появленія между братьями учителя никто изъ нихъ иначе не дѣйствовалъ какъ въ духѣ и тонѣ учителя, и что въ этомъ духѣ и тонѣ заключается спасеніе

* Ibid. 214—5.

** Ibid. 166.

*** Ibid. 133.

**** Ibid. II, 6.

† Ibid. I, 138.

†* Ibid. 214.

†** Ibid. 152.

†*** Ibid. 113.

†† Въ 1847, на улицѣ *Saint-Charles*. Ibid. II, 97.

душъ и отечества. * На общія собранія созывалъ Мицкевичъ братьевъ когда ему казалось нужнымъ или когда приказывалъ Товіанскій. Такъ, когда появилось въ печати воззваніе князя Святполка Пяста Мирскаго, помилованнаго императоромъ Николаемъ и принявшаго православіе, воззваніе приглашавшее эмигрантовъ возвращаться по его примѣру на родину, товіанщики на общемъ собраніи 27 марта 1843 подписали актъ въ которомъ обвиняли его въ измѣнѣ Польскому народу и Славянскому племени и въ неблагодарности ко Франціи давшей ему убѣжище у себя; ** а на другомъ собраніи, 11 апрѣля, *** по тому же случаю, Мицкевичъ назвалъ 27 марта днемъ чрезвычайно важнымъ въ исторіи кружка.

По возвращеніи отъ Товіанскаго изъ Швейцаріи, Мицкевичъ сказалъ длинное слово на общемъ собраніи кружка 1го ноября 1843. **** Въ этомъ словѣ онъ передавалъ братьямъ наставленія Товіанскаго, объяснялъ его ученіе, сообщалъ любопытныя свидѣнія о его образѣ жизни.

„Его путешествіе, говорилъ Мицкевичъ, есть великій неустанный трудъ.... Случилось мнѣ совершенно за ничто пріобрѣсти коляску и я хотѣлъ взять ее для учителя, хотѣлъ также предупредить объ его пріездѣ въ одно мѣстечко, чтобъ онъ нашелъ уже готовую квартиру. Это не удалось. Когда же я сказалъ ему объ этомъ, онъ сильно опечалился что я, какъ онъ выразился, такъ мало еще понимаю дѣло: „Еслибъ я, котораго вы называете вашимъ учителемъ“, сказалъ онъ, „ѣздилъ въ коляскѣ, то позже каждый изъ васъ не грѣшилъ бы, требуя для себя того же; еслибы ты приготовлялъ для меня квартиру, то почему же бы и самъ ты, какъ намѣстникъ учителя, не имѣлъ права желать чтобъ и для тебя приготовлялъ также кто-нибудь? Богъ не будетъ отъ васъ требовать ничего болѣе того въ чемъ я даю вамъ примѣръ. Дай Богъ чтобы вы могли сдѣлать болѣе; но столько же сдѣлать есть ваша обязанность.“

„Нѣтъ такой мелочи, отъ обуви до квартиры учителя, которая не была бы разчитана, обсуждена съ точки зрѣнія

* Ibid. 65.

** Ibid. 79—80.

*** Ibid. 81—2.

**** Ibid. 113—120.

дѣла. О всемъ онъ помнить, все самъ устраиваетъ. Путешествуя, какъ знаете, съ нѣсколькими особами, часто онъ цѣлую ночь ходитъ по дождю съ вещами по мѣстечку, пока найдетъ квартиру вполнѣ удобную. Уговаривается съ хозяиномъ, торгуется, ни въ чемъ не уступаетъ, въ малѣйшей вещи соблюдаетъ толь. Бывало содержатель гостиницы со всею семьей проклинаетъ ихъ, потому что послѣ уговора о квартирѣ случались гости предлагавшіе гораздо высшую цѣну; но при отъѣздѣ прощались всѣ съ ними со слезами. Въ счетахъ, которые обыкновенно онъ улачивалъ каждый вечеръ, не разъ я удивлялся необыкновенно умѣреннымъ требованіямъ хозяевъ...“

Случалось что кружокъ не собирался по нѣскольку мѣсяцевъ по болѣзни Мицкевича или другимъ причинамъ. Тогда братья падали духомъ или предавались мірскимъ занятіямъ. Узнавалъ объ этомъ Товіанскій и приказывалъ Мицкевичу собрать кружокъ и дать ему приличное наставленіе. Въ подобныхъ случаяхъ Мицкевичъ не щадилъ ни братьевъ, ни самого себя. Таково его слово 21го ноября 1844 года.* Въ немъ онъ укоряетъ братьевъ что они не стремятся къ *реализаціи духа*, а живутъ попрежнему, поддерживаютъ прежнія свѣтскія сношенія, ссорятся, интригуютъ и т. п. Со смиреніемъ онъ признавалъ себя не лучше другихъ и вѣрилъ словамъ Товіанскаго что онъ, Мицкевичъ, только тогда началъ служить Богу когда не оставалось ему никакихъ средствъ на землѣ. И въ этомъ словѣ онъ выставяетъ Товіанскаго образцомъ для подражанія. „Его жизнь была безпреставною реализаціей духа“ и въ подтвержденіе этого Мицкевичъ приводитъ слѣдующій любопытный разказъ самого Товіанскаго: „Мнѣ не было дозволено имѣть слуги который готовилъ бы мнѣ кушанье, пока я самъ не научилъ его. Этотъ слуга моя жена, которая въ кухнѣ при занятіяхъ хозяйствомъ умѣетъ уже соблюдать такой толь что я могу съ нею разговаривать о самыхъ высокихъ предметахъ. Не разъ цѣлый день я обдумывалъ какъ сѣдуетъ шить салогі, по нѣскольку часовъ я молился какъ купить говятовые гвозди для отца, чтобы все это было въ правдѣ (!). Бывъ чиновникомъ, когда происходила тяжба между Жидомъ и хлопомъ, я просиживалъ утра въ костелѣ, и потомъ требовалось величайшаго труда чтобы

* Ibid. 192—8.

сбить меня съ результата къ какому я пришелъ въ молитвѣ...“ Далѣе разказывалъ Товіанскій, какъ поссорившись съ родителями онъ готовилъ овсянку или варилъ яйца для больной жены и, отправляясь въ судъ въ мундирѣ при шпагѣ, носилъ ей подъ плащомъ кушанье. Часто встрѣчали его товарищи и смѣялись, а онъ *сносилъ все въ тонѣ и побѣждалъ монолж.*

29 ноября 1844 года кружокъ праздновалъ годовщину польскаго возстанія. По этому случаю Мицкевичъ сказалъ слово * которое имѣло довольно важныя послѣдствія для него самого и для кружка: онъ говорилъ объ отношеніи Поляковъ къ Русскимъ и къ Славянамъ.

„Вы знаете, началъ онъ, что сегодня годовщина нашей народнои революціи. День этотъ празднуютъ Поляки, и мы его празднуемъ въ новомъ тонѣ, въ духѣ будущаго. Революція была такимъ же дѣломъ какъ и наше дѣло. Она произошла изъ напряженія и породила раздраженіе. Полнаго тона любви Христовой и силы на какую Христосъ имѣетъ теперь право не было... Еще не настало для того время... Богъ приготовилъ большое дѣло и сослалъ новаго духа. Мы называемъ это *дѣломъ* (вргава) по словамъ Евангелія, гдѣ Христосъ говоритъ: „Исполняй Я, Отче, *дѣло* которое Ты Мнѣ поручилъ.“ И вотъ теперь для исполненія нашего дѣла мы должны провикнуться любовью Христовою къ братьямъ Славянамъ,—любовію чистою, искреннею, правдивою, безразчетною, безкорытною. *Мы должны полюбить чистое и доброе въ Россіи какъ любимъ друзей, и въ духѣ этой любви дѣйствовать съ Русскими.* Если они не почувствуютъ этой любви, то не почувствуютъ и силы и будутъ насъ угнетать. *Этотъ чистый тонъ вышелъ изъ пламенной души учителя, и духомъ его обнаружится въ жертвахъ и дѣлахъ. Онъ уже работаетъ въ Россіи и влечетъ этотъ духъ въ другихъ. Нынѣшній день назначенъ для того чтобы каждый изъ насъ пережилъ этотъ тонъ учителя...“*

Затѣмъ, прочта вселоданнѣйшее прошеніе Северина Пильховскаго къ Русскому императору, Мицкевичъ продолжалъ: „И вотъ я чувствую тутъ, какой теперь тонъ Поляка къ Русскому. Когда бы кто говорилъ въ этомъ тонѣ къ Русскому императору и съ любовію и силой предсталъ предъ

* Ibid. 200—4.

нимъ, я призналъ бы въ немъ орудіе Божіе. Слѣдуетъ предстать въ тонѣ правды, а не ненависти, показать себя мужемъ, а не червякомъ. Червяка ползущаго съ затаеннымъ ядомъ каждый имѣетъ право растереть.“ Для такой миссіи созрѣлъ одинъ только Пильховскій, а потому Мицкевичъ поклонился ему въ ноги въ знакъ особаго къ нему уваженія. Тѣмъ же отвѣтилъ ему Пильховскій.

На общемъ собраніи кружка въ великую среду, 19 марта 1845 года, * Мицкевичъ объяснялъ ученіе Товіанскаго о *духъ земли* и *духъ зла*, причѣмъ замѣтилъ что старшая семья духовъ земли называется Израидемъ, въ какомъ бы тѣлѣ они не находились, что эта семья въ теченіе вѣковъ дала три поколѣнія: Израила-Еврея, Израила-Француза, и Израила-Славянина, и что *послѣ Христа, полнѣйшаго идеала духа, величайшимъ духомъ былъ Наполеонъ*, „человѣкъ великій какъ свѣтъ“, по выраженію одного изъ его маршаловъ.

Отправляясь къ Товіанскому для личныхъ съ нимъ объясненій, Мицкевичъ собралъ кружокъ 16 мая того же года. ** На этомъ собраніи онъ объявилъ что учитель далъ новый тонъ, требующій послѣднихъ усилій для взаимнаго единенія братьевъ въ духѣ, тѣлѣ и поступкахъ, и высказалъ надежду что прежнія ссоры и недоразумѣнія между братьями прекратились. Выбравъ въ свои намѣстники Карла Ружидкаго. Мицкевичъ пожаловалъ *медаль* брату Радецкому, недавно поступившему въ кружокъ. При этомъ онъ сказалъ слѣдующія слова: „Вамъ извѣстно что этотъ вѣншній знакъ есть обѣтъ (*ślub*), свидѣтельствующій о направленіи духа соотвѣтственномъ тому въ какомъ учитель завязалъ кружокъ. Чей духъ проникся любовью и надеждой спасенія въ вышней злохъ тотъ сочетался (*zaślubił się*) съ учителемъ, а этотъ знакъ возбуждаетъ и подкрѣпляетъ его воспоминаніемъ о томъ состояніи въ какомъ онъ былъ когда почувствовалъ на себѣ руку Господню. Братъ Радецкій уже давно сочетался съ учителемъ. Эту медаль съ благославленіемъ учителя передаю тебѣ, братъ. Ты глубоко чувствуешь свою духовную обязанность. Не однимъ свидѣтелемъ, а уже помощникомъ въ трудахъ нашихъ ты долженъ быть не только въ духѣ, но въ словѣ и дѣлѣ...“

* Ibid. 216—23.

** Ibid. 231—5

На медали о которой здѣсь говорится было изображеніе Пресвятой Богородицы. * Она называлась *медалью дѣла Божія* (medal argawu Božej). Ея значеніе такъ мистически объясняетъ Товіянскій: ** „На этомъ знакъ представляемъ зачатокъ дѣла Божія. Богородица въ дни на ши чудеснымъ образомъ явилась человѣку съ лучами силы Божіей, обращенными къ землѣ для спасенія человѣка; этимъ чудомъ она призвала человѣка къ слѣдованію по покинутому пути Христову, на которомъ только и есть спасеніе для него. Этотъ знакъ пусть побуждаетъ васъ къ исполненію вашихъ христіанскихъ обязанностей...“ Раздача медалей испытаннымъ и заслужившимъ довѣріе братьямъ происходила торжественно въ присутствіи другихъ братьевъ и съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ. Сохранилось описаніе такой церемоніи при раздачѣ медалей четыремъ братьямъ (Гоцивскому, Болевскому, Кяюковскому и Раевскому) 3го іюня 1843 года. *** Сначала Мицкевичъ объяснилъ какое значеніе имѣетъ медаль для лицъ получающихъ ее: „Медаль есть знакъ даннаго обѣта служенія дѣлу. Можно дать обѣтъ и служить очень хорошо, не имѣя медали. Медаль не налагаетъ на принимающаго новыхъ обязанностей и не даетъ ему никакого преимуществъ; но она возлагаетъ на него большую отвѣтственность. Какъ въ таинствѣ брака благословеніе священника есть только печать даннаго обѣта, скрѣпляющая взаимную отвѣтственность двухъ душъ, такъ и принятіе медалей есть торжественное подтвержденіе обѣта вступленія въ подобную же духовную связь. Съ тѣхъ поръ исчезаетъ личность, и единичный духъ сливается съ духомъ кружка. Кто возвышается тотъ разжигаетъ, кто падаетъ тотъ угашаетъ общее пламя. Заслуги и грѣхи духовные каждаго брата составляютъ благое или злое пріобрѣтеніе цѣлаго кружка.“

Затѣмъ Мицкевичъ подъ знаменемъ товіянщиковъ произнесъ слѣдующую молитву:

„Иисусе Христе! Ты что принесъ на землю огонь съ неба чтобы согрѣть и вознести къ Отцу души людскія, Ты что постоянно страдаешь за насъ подъ тяжестью креста, ниспосылая намъ Духа изливающаго на насъ благодать Твою,

* Ibid. 225.

** Ibid. II, 156—259.

*** Ibid. 93. Cnf. 91—97.

дай намъ вступить на крестъ вмѣсто Себя и прими молитву нашу.... А Ты духъ учителя нашего, смиренный, пламенный, сильный, проникательный, помоги мнѣ ловаить на братьевъ моихъ какъ ты валяя на насъ“....

Наконецъ, раздавъ медали и поцѣловавъ каждого въ голову, Мицкевичъ сказалъ: „Не только ваше умиленіе, но самыя лица ваши ручаются мнѣ за любовь вашу. Вижу теперь васъ въ вашей официальной одеждѣ которую имѣете на все теченіе дѣла. Будьте увѣрены что та любовь зародышъ которой засіяла между нами есть величайшая на свѣтѣ сила и величайшій двигатель человечества.“

На этой церемоніи присутствовало по два делута, отъ семерокъ. Они были сильно взволнованы, плакали, обнимали и цѣловали другъ друга. Однѣ изъ братьевъ поцѣловалъ руку Мицкевича, а получившіе медали обнимали его ноги. Самъ Мицкевичъ, по собственнымъ его словамъ, былъ утомленъ этимъ „труднымъ обрядомъ, требовавшимъ большого присутствія духа“. *

Для объясненія словъ сказанныхъ Мицкевичемъ 19 марта 1845 о Наполеонѣ приведемъ его посланіе къ кружку отъ 20 апрѣля 1844. **

„Намъ призваннымъ возвѣтитъ слово Христово въ силѣ время уже, братья, возвысится къ общенію съ духомъ силы, съ духомъ Наполеона. Омъ чаще и сильнѣе всѣхъ духовъ дѣйствовалъ словомъ на землѣ, а мыѣ духомъ возвыщаетъ намъ слово. Дореѣшная работа наша духовная должна была приготовить насъ къ этой молитвѣ новаго закова. Ибо какъ общеніе со Христомъ не есть философское или историческое размышленіе о дѣланіяхъ и особѣ Спасителя, не есть половское восхваленіе Христа, но стремленіе цѣлаго духа ко Христу, то и мы должны почувствовать общеніе съ Наполеономъ посредствомъ молитвы къ нему, посредствомъ живаго общенія съ его духомъ духъ нашъ начнетъ принимать образъ и подобіе его.“ Въ собраніи кружка 4 мая того же года Мицкевичъ предложилъ весьма оригинальнымъ образомъ праздновать годовщину смерти Наполеона ***. „Завтрашній день есть годовщина смерти

* Ibid. 97.

** Ibid. 163—4.

*** Ibid. 164—5.

Наполеона. Въ этотъ день его духъ, увольняясь изъ тѣла, изъ утѣ матеріи, узрѣлъ все свое прошлое и будущее, а также прошлое и будущее всѣхъ братьевъ съ которыми трудился на землѣ, позналъ всѣ средства которыя шло въ себѣ и около себя, цѣлую громаду добра которое могъ совершить на землѣ, исполняя мысль Божію, и все зло которое вслѣдствіе неисполненія этой мысли размножилось и усилилось на землѣ. Съ этого дня началась мука великаго духа, страданіе изъ отвращенія къ злу и желаніе служить добру. Это страданіе и это желаніе великій духъ можетъ явить на землѣ только чрезъ посредство духовъ людей находящихся съ нимъ въ общеніи. *Станемъ духомъ нашимъ при смертномъ ложѣ на островъ Св. Елены въ ту минуту, когда великій духъ разставался съ землею.* Въ минутѣ страданія есть минута соединенія съ нимъ. А 1го іюня Мицкевичъ написалъ для кружка слѣдующую инструкцію *.

„Семь первыхъ дней этого мѣсяца (считая и нынѣшній день), а именно шесть утрѣ, начиная отъ завтрашняго, посвящать приготовленію себя къ службѣ во Франціи. Будемъ стараться соединить въ себѣ тонъ любви слугъ Христовыхъ съ тономъ воиновъ Наполеона. Ежедневно каждый изъ братьевъ будетъ въ церкви и на одномъ изъ мѣстъ посвященныхъ Наполеону. Въ шестой день, въ праздникъ Тѣла Божія, всѣ на мшѣ примемъ въ духѣ св. причащеніе, молясь: Господи, вообрази въ насъ двойнаго духа. На другой день, седьмой, стоя предъ Господомъ легионовъ, призовемъ каждый изъ насъ, *во имя Наполеона*, нашу совѣсть чтобъ она намъ отвѣтила, готовы ли мы къ службѣ во Франціи. Кто изъ насъ духомъ услышитъ отвѣтъ: „вотъ мы слуги Господни“ тотъ будетъ имѣть доказательство что исполнилъ работу этихъ семи утрѣ.“

Мицкевичъ не только чистосердечно вѣрилъ въ возможность общенія съ духомъ Наполеона, но даже разказывалъ какъ онъ самъ *видѣлъ* духъ Наполеона и *говорилъ* съ нимъ.

Вотъ что онъ писалъ Товіанскому въ декабрѣ 1842 года **: „Ночью съ 7го на 8е число, послѣ молитвы ко Пресвятой Богородицѣ, я почувствовалъ вблизи себя Христа въ образѣ

* Ibid. 168—9.

** Ibid. 61—2.

Ессе Ното, хотя о томъ прежде не думалъ, и вкорѣ послѣ того замѣтилъ звѣздочку, большую искру; такіа искры я подчасъ вижу, но эти была большей величины и горѣла ясте и я почувствовалъ также вблизи себя духъ Наполеона. Начали въ духѣ моемъ, безо всякаго съ моей стороны приготовленія, слагаться слова, которыя тебѣ выписываю. Вотъ она: „Français, saluez la voix que vous allez entendre, car vous devez entendre et reconnaître la voix qui parle du fond de cette parole écrite. C'est Lui qui a dicté la parole. Il a dit: annoncez-leur mon arrivée. Dites-leur que je vais descendre. Ils reconnaîtront le son de ma voix. Elle fera tressaillir leurs entrailles. Pour la première fois depuis un quart de siècle, ils se sentiront grand peuple, et bon peuple. Mon nom sera désormais le réparateur, l'immortel, le miraculeux. Il n'y a que moi qui sois en état de réparer mes fautes. Il faut un miracle pour faire vivre la France, consoler l'humanité, illuminer le globe. Je le ferai, Dieu l'a permis.“

Такъ слагались слова въ головѣ Мицкевича. Не довѣряя однако себѣ, онъ просилъ искру чтобъ она дала ему зать что въ этихъ словахъ отъ духа и что отъ него самого; но знакъ не былъ данъ. Въ недоумѣніи что дѣлать съ этими словами, Мицкевичъ обращается за совѣтомъ къ Товіанскому, когда и какъ ихъ употребить. При этомъ онъ замѣчаетъ что выраженіе „illuminer le globe“ ему казалось не французскимъ и что онъ написалъ бы *éclaircir le globe*. Въ правильности этого выраженія онъ убѣдился только тогда когда Х. показала ему записаннымъ въ своей памятной книжкѣ это самое слово *illuminer*, которое относилось къ Наполеону и было ей прежде продиктовано, что она скрывала и показала ему только тогда когда онъ разказалъ ей о своемъ видѣніи.

Въ кружкѣ товіанциковъ была отдѣльная французская *семѣрка*, которая въ послѣдствіи разрослась во французскій *кружокъ*. Позволимъ себѣ остановиться на исторіи этого кружка и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомимъ читателей съ пропагандой Мицкевича среди Французовъ.

Вкорѣ послѣ отъѣзда Товіанскаго изъ Парижа Мицкевичъ вошелъ въ сношенія съ французскимъ обществомъ *l'Œuvre de la miséricorde* основаннымъ въ 1839 году Пьерръ-Машелемъ Вентасомъ (Vintas). Это общество вѣрило что произойдетъ великій переворотъ въ мірѣ и что орудіемъ политиче-

скаго спасенія Французовъ будетъ младшій сынъ Людовика XVII. жившій въ Лондонѣ подъ именемъ Наундорфа и считавшійся одержимымъ сатаною. Общество вѣрило что состояніе это было только временное, некормальное, что Наундорфъ поправится, освободится отъ злаго духа и спасеть Францію. Въ ожиданіи такой перемены оно прекратило съ нимъ всякія сношенія и руководилось своимъ пророкомъ, Пьерръ-Миселемъ. Пьерръ-Мисель образовалъ изъ главныхъ своихъ учениковъ *святую семерку* и издалъ брошюру *Opuscule* съ девизомъ *et renovabis faciem terrae*, въ которой вкратцѣ изложилъ свое ученіе. Позже оно было имъ разширено подробно въ *Золотой Книгѣ (Livre d'Or.)* Онъ предсказывалъ близкое господство Святаго Духа и училъ что человекъ есть падшій ангелъ и что уже настало время когда его духовная природа возьметъ верхъ надъ тѣлесною. Въ его откровеніяхъ Мицкевичъ находилъ много сходнаго съ ученіемъ Товіанскаго. Ихъ бѣлый крестъ безъ распятія былъ точно такой же какъ у Товіанскаго. Католическое духовенство ихъ преслѣдовало такъ же какъ товіанщиковъ, съ которыми они сами пожелали сблизиться. Они не скрывали предъ Мицкевичемъ своихъ тайнъ и обещали передать ему всѣ откровенія Пьерръ-Миселя которыхъ не могутъ обнародовать по причинамъ политическимъ. И Мицкевичъ повѣрилъ въ откровенія и чудеса Пьерръ-Миселя, въ искренность и чистоту нагнѣреній его послѣдователей: „*это были первые Французы съ которыми, по словамъ Мицкевича, товіанщичики сердечно сошлись съ Богомъ*“ *.

Товіанскій вполнѣ одобрилъ сблизеніе своихъ послѣдователей съ учениками Пьерръ-Миселя и объ обществѣ *L'Oeuvre de la miséricorde* выразился что оное согласно съ мыслью Божіею (jest w myśl Pańska) **.

Съ тѣхъ поръ Мицкевичъ сталъ проповѣдывать о *мисіи Поляковъ во Франціи*: „Французы не могутъ болѣе жить тѣмъ что имѣютъ, они это хорошо чувствуютъ и ищутъ силы которая освободила бы ихъ отъ нынѣшнихъ порядковъ; такая сила дана Полякамъ.“ Мицкевичъ разказывалъ что у него

* Ibid. 53—5. Ср. *Przegląd Poznański* 1858, XXV, 186. Объ этомъ обществѣ священникъ *Bouis* издалъ въ Парижѣ въ 1849 году брошюру: *L'Oeuvre de la miséricorde ou la nouvelle secte dévoilée.*

** *Współudział* I, 57.

былъ одинъ знаменитый Французъ, говорилъ ему: „мы увидимъ что вы Жиды несаго завѣта; уже пора, мы готовы, давайте намъ новую жизнь!“ Но, прибавилъ Мицкевичъ, „пора еще не пришла; Французы хотѣли бы новыхъ идей, но идеи уже никому не помогутъ. Пока Французы не откажутся чистосердечно Польшѣ, не переболѣютъ ея страданіями и не возстанутъ противъ нынѣшнихъ въ ней порядковъ, до тѣхъ поръ ихъ жизнь не пробудится.“*

Вѣроятно, къ этому „знаменитому Французу“ писано Мицкевичемъ письмо ** въ которомъ читаемъ такіа выраженія: „*Dieu t'a doué d'une organisation forte, capable de porter un grand esprit et proportionnée aux efforts qui te sont demandés. Tu as l'intelligence des maux de l'Eglise, qui sont la source des maux du monde... seul, parmi tous ceux qui sont appelés à l'Oeuvre, tu es appelé à suivre le prophète sur ce chemin... Dieu te réserve les lumières et des secours extraordinaires que tu trouveras sur le chemin à mesure que tu l'auras parcouru dans l'esprit de Jésus-Christ, de son Eglise Sainte, dans l'esprit de l'Oeuvre de la miséricorde qui ouvre une époque nouvelle pour le monde.*“ Изъ послѣднихъ словъ слѣдуетъ заключать что этотъ „знаменитый Французъ“ принадлежалъ къ выше-помянутому обществу.

Но вскорѣ это общество постигъ сильный ударъ: 2го іюля 1843 года Pierre-Michel былъ приговоренъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію, и не нашлось между его посаждователями ни одного который сказалъ бы хотя слово въ его защиту. ***

Но вмѣсто одного потеряннаго союзника Мицкевичъ и товарищѣки приобрѣли двухъ новыхъ, болѣе вліятельныхъ: это были товарищи по службѣ Мицкевича, извѣстные профессоры въ Collège de France, *Michalet* и *Edgard Quinet*. Оба они проповѣдывали съ профессорскѣи кафедры мистическіа идеи, подходящія къ ученію Товіанскаго. *Edgard Quinet* толковалъ о наступающемъ триумфѣ Христа, заявлялъ что онъ слѣдуетъ религіи Тюреня, Карла Великаго и Наполеона и отрекается отъ религіи Лудовика XI и Талейрана и т. п. и наконецъ обращался съ воззвані-

* Ibid 70.

** Ibid. 72—3.

*** Ibid. 97.

съ къ génie français. * А на лекціяхъ историка Michelet рѣшались вопросы о дѣлѣ человеческого существованія, о Творцѣ міра и человека, о сошествіи Бога на землю, о Его учении и т. л. ** Французское правительство не могло равнодушно смотрѣть на такое злоупотребленіе профессорскимъ словомъ и предложило имъ обоимъ прекратить лекціи. *** Словенія ихъ съ Мицкевичемъ и его кружкомъ не подлежатъ никакому сомнѣнію. О Мишлѣ Мицкевичъ выражалась что онъ „повзаимствовалъ много свѣта“ у товіанщиковъ. **** Вліяніе ученія Товіанскаго на Michelet видно какъ въ воззрѣніяхъ его на французскую революцію, такъ въ известной его брошюрѣ *Pologne et Russie* (Paris, 1855).

Мицкевичъ надѣялся также завлечь въ свой кружокъ Ламартина, особенно послѣ его рѣчи въ Моконѣ, произведшей сильное впечатлѣніе; † но неизвѣстно насколько въ этомъ успѣлъ.

По мнѣнію Товіанскаго, роль Французовъ въ дѣлѣ Божіемъ была впрочемъ иная чѣмъ роль Поляковъ или, какъ онъ выражался: †* „У братьевъ-Французовъ, по ихъ темпераменту, движеніе духа болѣе легкое; а потому пусть они работаютъ духомъ горь, пусть стоятъ въ дѣлѣ духа, а рѣшеніе дѣла духа на землѣ найдутъ у брата Адама, который вмѣстѣ съ своимъ кружкомъ рѣшаетъ о дѣлѣ земли. Пусть братья Французы имѣютъ дѣло въ духѣ, а братья Славяне удерживаютъ это дѣло на землѣ.“ Замѣчательно что смыслъ этихъ мистическихъ словъ Товіанскаго не могъ вполнѣ лопнуть даже Мицкевичъ, который истолковалъ ихъ такъ: „Французъ легко воспринимаетъ, легко лорывается, но его нужно довести до того чтобъ онъ выработалъ духовною работою, бѣдствіемъ, трудомъ, *horz*, дѣло духа.“ †**

Благодаря осторожному и расчетливому образу дѣйствій Мицкевича †*** и Товіанскаго, пропаганда между Французами

* Ibid. 86.

** Ibid. 85.

*** Ibid. 86, 98.

**** Ibid. II, 76.

† Ibid. 86.

†* Посланіе Товіанскаго къ семеркамъ изъ Лозанны отъ 10 сентября 1843, *ibid.* 112.

†** Ibid. 113.

†*** Ibid. 152.

ведась съ большимъ успѣхомъ: въ началѣ 1844 года было уже нѣсколько французскихъ семерокъ, которыя составляли особый *французскій кружокъ*. * Къ нему принадлежала одна Француженка сестра Марія, отличававшаяся пламенною ревностью къ дѣлу Божию: на первыхъ же порахъ она привала на себя горячую защиту ученія Товіанскаго предъ ксендзомъ Кайсевичемъ, на котораго, по выраженію Мицкевича, *пущила огненный дождь*. **

Пропаганда между Французами ведась не только частнымъ образомъ, но и публично. Съ 22го декабря 1843 года Мицкевичъ сталъ читать въ Collège de France релігіозно-политическія лекціи, изданныя въ 1845 году подъ заглавіемъ *L'Eglise officielle et le Messie*. Это были поэтическія фантазіи, дѣйствія самолюбію Французовъ и Поляковъ. Указавъ на пробужденіе Славянъ, профессоръ-поэтъ сказалъ: „il est temps... de faire parler l'esprit Slave au génie de la *grande nation*“. *** Далѣе онъ говорилъ о любви Славянъ, а въ особенности Поляковъ, къ Франціи, **** о томъ что только Французы и Славяне (Поляки) способны увлечься великимъ и божественнымъ; † и что имъ поэтому принадлежитъ будущее; указывалъ на „*liens mystérieux qui attachaient si fortement la France victorieuse à la Pologne souffrante*“, †* обвинялъ палу въ недостатокъ сочувствія польскому возстанію, †** заявлялъ о несостоятельности *официальной* церкви и ея ученія †*** и наконецъ проповѣдывалъ „культъ Наполеона“. *C'est en Pologne que devait naître le culte de Napoléon*, говорилъ онъ. †† По его мнѣнію, *лучшіи комментаріи къ Евангелію составляютъ нѣсколько страницъ продиктованныхъ Наполеономъ на островѣ Св. Елены*. „Наполеонъ повялъ божественную природу Христа и объяснилъ ее лучше всякаго богослова, а именно: онъ говорилъ что Спаситель не былъ богословомъ и что Онъ жилъ

* Ibid. 135.

** Ibid. 134.

*** Les Slaves. Cours professé au Collège de France par A. Mickiewicz, t. V (Paris 1849), p. 5.

**** Ibid. 7.

† Ibid. 36.

†* Ibid. 52.

†** Ibid. 54.

†*** Ibid. 158 sqq.

†† Ibid. 87.

за тѣмъ чтобы дѣйствовать. А со времени Христа Наполеонъ изъ всѣхъ христіанъ наиболее дѣйствовалъ, наиболее работалъ, наиболее реализовалъ на землѣ.... Выѣщавшій въ своемъ духѣ все прошлое христіанства онъ реализовалъ его въ своей особѣ. Краснорѣчивый какъ Св. Петръ или Св. Павелъ, простой и строгій въ жизни, какъ священники первобытной церкви, величественный какъ средневѣковой епископъ, онъ чувствовалъ однако что недостаточно обладать всѣмъ прошлымъ чтобы быть вождемъ совершеннаго человечества: человечество нуждалось въ очагѣ который могъ бы возжечь въ душахъ огни новой любви и новой силы, любви воинствующей и силы побѣдительной. Наполеонъ это ловилъ въ послѣднюю эпоху своей жизни, во время мученичества на островѣ Св. Елены...“

Мицкевичъ заключилъ лекцію словами: * „Земная жизнь Наполеона кончена. Какъ глава политической партіи, какъ родоначальникъ династіи, Наполеонъ не существуетъ болѣе. Но кто осмѣлится отрицать здѣсь существованіе и постоянную дѣятельность его духа? Люди благочестивые, воины, государственные люди совѣщаются съ нимъ, размышляя объ его произведеніяхъ и его дѣйствіяхъ. Такое размышленіе не есть ли настоящая молитва? Призваніе вдохновенныхъ артистовъ—возвыситься до области обитаемой этимъ великимъ духомъ, вызвать его и сдѣлать его видимымъ намъ. Наполеонъ архитилъ новаго искусства.“

Кто не узнаетъ въ этихъ словахъ Мицкевича ученія Товіанскаго о Наполеонѣ? На лекціи 19го февраля 1844 года Мицкевичъ возвѣстилъ прішествіе новаго Меосіи, не называя впрочемъ его по имени. Онъ началъ съ общенія человеческого духа съ природою животною и растительною и съ полною вѣрой разказалъ о библейскомъ олаѣ Ваама, о львахъ вырванныхъ могилу для Св. Антонія, о рыбахъ слушавшихъ проповѣди Антонія Падуанскаго и т. п. „Первый лучъ свѣта на этотъ темный вопросъ объ общеніи человеческого духа съ духомъ животныхъ исходитъ отъ племени которое наиболее сохранило интимныя отношенія къ природѣ, отъ того племени которое произвело Залужанскаго, великаго наблюдателя, предшественника Линнея, отъ того племени которое создало животный влосъ, въ сравненіи съ

* Ibid. 109.

которымъ *Rainecke Fuchs* и *le roman du Renard* только бѣдныя копія, отъ того наконецъ племени народная ирѣся котораго почти вся наполнена разговорами съ животными и растеніями.“ Понятно что здѣсь рѣчь идетъ о Славявахъ.

Этотъ новый свѣтъ, продолжалъ Мидкевичъ, не что иное какъ *Слово эпохи* (le Verbe de l'époque). *Возьмемъ это слово вѣка* (le Verbe du siècle) онъ считалъ своимъ призваніемъ, задачею своей жизни. * Вовзвѣщать такое слово могутъ только избранныки Божіи. Олицетвореніемъ такого всемірнаго слова (le Verbe du globe entier) былъ Христосъ. ** Александръ Великій былъ воплощеніемъ послѣдняго слова древней Греціи, Юлій Цезарь—древняго Рима. *** Изъ нѣдръ католицизма вышелъ Наполеонъ, самый совершенный человекъ прошлой эпохи, человекъ вполне реализовавшій ее въ своей особѣ и опередившій ее своимъ гениемъ... Онъ принадлежить не только Французамъ, но также Италианцамъ, Полякамъ, Русскимъ; онъ мировой человекъ (l'homme du globe), самый совершенный человекъ...“ ****

„Наполеонъ до такой степени создавалъ свой священный характеръ человека судьбы что на островѣ Св. Елены, за неимѣніемъ священниковъ, предложили себя въ душники своихъ боевыхъ товарищей, чувствуя въ себѣ силу разрѣшать отъ грѣховъ. Въ этотъ моментъ онъ опередилъ современный католицизмъ.“ †

Но только Христосъ былъ образцомъ совершенства; остальные же люди силы (les hommes de force) не выдержали своего характера, пали: „Александръ вслѣдствіе привычекъ животной жизни, Цезарь вслѣдствіе страстей сердца, Наполеонъ вслѣдствіе ошибокъ ума. Наполеонъ пошелъ на сдѣлку съ прошлымъ и, вмѣсто того чтобы слѣдовать къ неизвѣстному за этимъ невидимымъ Богомъ, который былъ ни чѣмъ инымъ какъ гениемъ христіанства и гениемъ Французскаго народа, онъ хотѣлъ легализовать свое положеніе и палъ.“ †*

Все прошлое человечество пало, и его не воскресить.

* Ibid. 194—5.

** Ibid. 199.

*** Ibid. 201—2.

**** Ibid. 202.

† Ibid. 203.

†* Ibid. 203—4.

Нужно отречься отъ прошлаго чтобы вступить въ новую эпоху. Эту новую эпоху создадутъ новые люди. „Какъ первые узники Христа происходили изъ народа который не имѣлъ болѣе ни своихъ царей, ни своихъ учрежденій, ни своего политическаго существованія, который былъ насильственно оторванъ отъ родной земли, отлученъ ото всего земнаго, ото всего съ чѣмъ человекъ разстается съ такимъ трудомъ,—такъ *первыя признаетъ новое откровеніе племля Славянское*, которое почти ничего не имѣетъ на землѣ и всѣ желанія, всѣ надежды котораго покоятся въ Богѣ; и вотъ почему одна часть этого племени,—народъ который среди Славянскаго племени то же что Французы въ Романскомъ племени, народъ вѣчно волеущійся, вѣчно волеуемый, *народъ Польскій*,—была раздѣлена, стерта съ карты Европы, осуждена на скитаніе по міру.... *Эти люди* (польская эмиграція); *которые ничего не имѣютъ на землѣ, должны первые понять то что со временемъ будетъ царствовать на землѣ*. Богъ всегда начинается набирать свою армию и свой дворъ среди нищихъ и невѣждъ (ignobants). Таково Его правило“.... *

Въ концѣ лекціи Мицкевичъ обратился къ слушателямъ съ слѣдующими словами: ** „Могъ ли бы я такъ говорить вамъ противъ гордости людей системы, *еслибы я не чувствовалъ въ себѣ поддержку силы которая происходитъ не отъ людей* Я не ученый: не мнѣ преподавать вамъ *тайнства новаго откровенія*; но я одна изъ искръ павшихъ отъ свѣтильника, и тѣ которые пойдутъ вслѣдъ за нею найдутъ, быть-можетъ, легче чѣмъ я Того который есть путь, жизнь и истина. Я былъ призванъ сказать вамъ это. Молю Бога чтобы Онъ далъ словамъ моимъ теллоту и силу, которыя могли бы привести васъ къ источнику всякой теллоты и всякой силы. Радость которую я испыталъ и которая не будетъ у меня отнята, радость сознанія что я былъ призванъ сказать вамъ это, будетъ радостью всей моей жизни и всѣхъ моихъ жизней (*fera la joie de touté ma vie et do toutes mes vies*); а такъ какъ я говорю не на основаніи книгъ, такъ какъ я не излагаю вамъ системы, то я *объявляю себя предъ лицомъ неба живымъ свидѣтелемъ новаго откровенія, и осмѣливаюсь обратиться къ тѣмъ изъ васъ — Полякамъ и Французамъ*

* Ibid., 204—7.

** Ibid. 208—9.

которымъ извѣстно откровеніе, съ просьбою чтобы они отвѣчали мнѣ какъ люди живые: существуетъ ли оно или нѣтъ?“

Тѣ къ кому относился этотъ вопросъ встали и, поджавъ руку, отвѣчали: да!

За тѣмъ Мицкевичъ снова спросилъ: „Тѣ изъ Поляковъ и Французовъ которые видѣли откровеніе воплощеннымъ, которые видѣли и признали что ихъ учитель (maître) существуетъ, пусть мнѣ отъчаютъ: да или нѣтъ!“

И снова поднялись тѣ къ кому былъ обращенъ вопросъ, и отвѣчали: да!

Тогда Мицкевичъ заключилъ лекцію словами: „А теперь, братья, мой долгъ предъ Богомъ и предъ вами исполненъ. Да дастъ вамъ этотъ моментъ всю радость и всѣ обширныя надежды которыми я преисполненъ“.

На другой день послѣ этой лекціи вотъ что писалъ Мицкевичъ доктору Гутту: * „Благодаря Богу, вчера, 19го числа, одна часть нашей работы исполнена: долго и учитель возмущены. Заявивъ предъ слушателями о необходимости новой революціи, я вызвалъ присутствовавшихъ Поляковъ и Французовъ чтобы они живымъ голосомъ засвидѣтельствовали что откровеніе есть, а потомъ—что волащенное слово живетъ и что его признали они учителямъ. Братья встали и отвѣчали въ высокомъ тонѣ. Были посторонніе Французы, которые также встали и подтвердили. Одинъ Русскій крикнулъ: это мы носимъ въ насъ самихъ. Остальные слушатели были поражены вызовомъ и смущены. Никто не смѣлъ противорѣчить даже жестомъ. Зала была полна, и многіе стояли у дверей.“

Въ числѣ лицъ на которыхъ лекція Мицкевича произвела сильное впечатлѣніе былъ Edgard Quinet. На другой день послѣ нея онъ возобновилъ свой курсъ по возвращеніи изъ Испаніи. Онъ отзывался съ большимъ сочувствіемъ о Мицкевичѣ, котораго называлъ *notre cher prophète*, и обративъ вниманіе на его лекцію 19 числа указалъ на Поляковъ какъ на авангардъ Франціи и сказалъ: *ayons le courage de les suivre* и т. п. При этомъ Французы закричали: *Vive la Pologne!* на что Поляки отвѣчали: *Vive la France!* Французы были сильно увлечены словами Кюна, тополяники торжествовали, а враги ихъ были поражены. **

* *Współdział* I, 141.

** *Ibid.* 142—3.

Наполеонъ и великое призваніе Франціи были предметомъ какъ публичныхъ лекцій Мицкевича, такъ и частныхъ бесѣдъ его съ Французами. Лыста ихъ самолюбію, онъ старался возбудить въ нихъ антагонизмъ къ Англичанамъ: онъ прелазывалъ что вскорѣ настанетъ борьба, которая должна показать какой изъ двухъ Духовъ, Французскій или англійскій, долженъ стать образцомъ, типомъ: въ этой борьбѣ на сторонѣ Англій будутъ Россія и аристократія всѣхъ странъ, на сторонѣ Франціи—народы, а потому слѣдуетъ „поднять народный элементъ до власти“ во Франціи и подчинить ему аристократію въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась, въ наукѣ, промышленности и т. л.; нужно „искать великихъ людей“, потому что руководителями Франціи могутъ быть только такіе люди какъ Наполеонъ. *

Французскій кружокъ не только быстро увеличивался, но также отличался необыкновенною ревностью, такъ что Мицкевичъ ставилъ его въ примѣръ польскому кружку. ** Особенно былъ въ восторгѣ отъ сестры Аліхъ, „всегда великой въ духѣ и неутомимой въ дѣятельности“ ***. Она читала и объясняла братьямъ *Бестю* Товіанскаго и вообще поступала такъ энергически что всѣ признали ее *настоящимъ вождемъ Французовъ* (prawym wodzem Francuzów). ****

Французы называли Поляковъ *Евреями новаго завета*; самъ Мицкевичъ любилъ сравнивать Поляковъ съ Жидами, говорилъ о *трехъ поколенияхъ Израиля—Жидовсколѣ, Французсколѣ и Славянсколѣ*, и излагалъ ученіе Товіанскаго о *трехъ избранныхъ народахъ—Полякахъ, Французяхъ и Евреяхъ*. Поэтому не удивительно что онъ искалъ презелитовъ не только между Французами, но и между Евреями.

Въ ноябрѣ 1842 года вступилъ въ кружокъ товіанщиковъ первый Еврей—братъ Рамъ. По требованію Товіанскаго, кадъ явилъ былъ совершенъ обрядъ крещенія, † который въ послѣдствіи былъ признанъ иашишкимъ. Позже, въ маѣ 1843 года, былъ принятъ еще одинъ Жидъ въ кружокъ товіанщиковъ, но только *гостемъ*. †* Вообще пропаганда между Жидами не

* Ibid. II, 101.

** Ibid. 234, 273; II, 111, 128, 131.

*** Ibid. I, 260, 265.

**** Ibid. II, 19.

† Ibid. I, 55, II, 178, 187.

†* Ibid. I, 88.

удавалась, и только въ августѣ 1845 года, Мицкевичъ рѣшился сдѣлать „воззваніе къ Израилю“, и для этого воспользовался годовщиною разрушенія Иерусалима, которая приходилась на 12 числа. * Канунъ этого дня, по его приказанію, братья провели въ постѣ и молитвѣ, ** а въ самый день они отправились подъ его предводительствомъ въ синагогу чтобы раздѣлить съ Жидами ихъ скорбь и возвѣстить имъ что Богъ съжался надъ Израилемъ и посылаетъ имъ мессію. *** Но напрасно Мицкевичъ рассчитывалъ на успѣхъ: онъ потерпѣлъ фиаско, какъ видно изъ письма его къ Товіанскому отъ 16го августа. **** „Въ израильской божницѣ“, пишетъ онъ, „я исполнилъ одну изъ важнѣйшихъ работъ — открылъ дорогу братьямъ Французамъ. Здѣшніе Израилиты, можетъ-быть, стоятъ ниже другихъ. *Раввинъ былъ въ страшномъ негодованіи* за то что я говорилъ ему о скорби Израиля; ибо они хотятъ только наслаждаться жизнью, а скорбѣть дѣло для нихъ весьма трудное... Раввинъ нѣсколько разъ перебивалъ меня и убѣгалъ; но его удерживали; послѣднія мои слова: „Je parle au nom des Synagogues de notre pays dont nous avons entendu les cris déchirants, je parle au nom des Synagogues de l'Orient et de l'univers entier“ нѣсколько заняли присутствовавшихъ Жидовъ.“ Черезъ мѣсяць послѣ того Мицкевичъ извѣщалъ Товіанскаго, † что нашелся въ Парижѣ молодой Жидъ изъ Польши который сильно воспламенился къ дѣлу. „Тѣло его грубое, а потому внутренній огонь обуреваетъ его и повергаетъ его въ болѣзненное состояніе. Вчера (16го сентября) я работалъ съ нимъ, и онъ расчувствовался, получилъ облегченіе и надѣюсь будетъ съ нами.“

Пропаганда ученія Товіанскаго, которую такъ усердно велъ Мицкевичъ, не могла не обратитъ на себя вниманія какъ польской эмиграціи, такъ и Французскаго правительства. Правовѣрные Поляки видѣли въ ученіи Товіанскаго ересь, подрывавшую основы католицизма, а потому употребляли разные мѣры для ея искорененія. Наиболѣе въ этомъ дѣлѣ

* Ibid. 276.

** Ibid. 278.

*** Ibid. 277.

**** Ibid. 279.

† Ibid. 292.

были заинтересованы польскіе ксендзы. Такъ - называемые „*Zmartwychwstańcy* (воскресшіе изъ мертвыхъ)“, ксендзы Эдуардъ Дунскій и Геронимъ Кайсевичъ тотчасъ по прибытіи въ Парижъ изъ Рима, гдѣ они учились богословскимъ наукамъ, лѣтомъ 1842 года *, старались сначала добрымъ словомъ убѣдить Мицкевича возвратиться въ лоно католической церкви; когда же въ этомъ не успѣли, рѣшились вступить съ нимъ въ борьбу. ** Особою ревностью въ этомъ отношеніи отличался Кайсевичъ: въ своихъ проповѣдяхъ въ церкви святаго Рока онъ громилъ товіанщиковъ какъ еретиковъ. Не менѣе ревностенъ былъ ксендзъ Петръ Семевко, начальникъ *змартыжестанцовъ*: получивъ экземпляръ *Бесѣды* Товіанскаго, онъ составилъ сравнительную таблицу догматовъ католической церкви и заблужденій новаго ученія, *** а позже напечаталъ во французскомъ журналѣ *La Voix de la vérité* (1849 года) статью *Le prophète Towiański—encore une secte à dévoiler* и отдѣльно брошюру *Towiański et sa doctrine jugés par l'enseignement de l'Eglise* (1850). Онъ писалъ также личныя объясненія съ Товіанскимъ въ Брюсселѣ и съ Мицкевичемъ въ Парижѣ, объясненія которыя повели только ко взаимному раздраженію обѣихъ сторонъ. **** Столь же безуспѣшны были переговоры съ Мицкевичемъ ксендза Губе (1846); при личномъ съ нимъ свиданіи Мицкевичъ представлялъ себя правовѣрнымъ католикомъ; когда же Губе требовалъ отъ него *письменнаго* отреченія ото всего что противно догматамъ католической церкви въ *Бесѣдѣ* Товіанскаго и въ лекціяхъ которыя онъ, Мицкевичъ, читалъ въ Collège de France, *братъ епископъ* уклонился отъ прямого отвѣта, хотя Губе грозилъ ему что не будетъ допускать до причастія товіанщиковъ и представить на судъ папы какъ *Бесѣду* Товіанскаго, такъ и мессіаническія лекціи Мицкевича. †

Въ раскрытіи лжи и ереси скрывавшихся въ ученіи Товіанскаго принимали участіе не только духовныя, но и свѣтскія лица. Самымъ тяжелымъ ударомъ для Мицкевича была брошюра его прежняго друга Витвицкаго, искренняго като-

* *Przepl. Poznański* 1858, XXV, 167.

** *Współudział* I, 29, 31.

*** *Przepl. Pozn.* XXV, 169.

**** *Ibid.* 172.

† *Współudział* II, 16—17, 22, 24.

лака и Полака; *Towiańszczyzna wistawiona i aneksjati objaśniona* (Paryż 1844). Въ концѣ этой брошюры напечатано воззваніе къ Мицкевичу: * „Ты, который столько лѣтъ называлъ меня другомъ и братомъ... и знаешь меня какъ себя самого, легко поймешь... какъ мнѣ было прискорбно и печально писать эту брошюру въ которой я долженъ былъ употребить столько горькихъ словъ противъ тебя, котораго я еще всею душой люблю, хотя ты сталъ уже врагомъ моего Бога, и несказанно жалю, жалю въ тысячу разъ болѣе и сильнѣе чѣмъ еслибы видѣлъ тебя мертвымъ... Если до сихъ поръ я не нападаю публично на твои заблужденія, если даже въ началѣ я старался скрывать ихъ предъ людьми, уменьшать, перетолковывать, то ты тѣмъ не менѣе знаешь что, пользуясь дружественными нашими сношеніями, я не разъ съ первой же минуты устно и письменно предостерегалъ тебя, куда это ведетъ... Но ты пренебрегъ мною, оттолкнулъ меня отъ себя, забылъ все! Ты заблуждался болѣе и болѣе, и я уже не могу узнать тебя. Еще молчать было бы недостойно мужа и христіанина. Ты объявилъ открытую войну Христу, церкви, св. вѣрѣ“...

Витвицкій громко обвинялъ Товіанскаго и Мицкевича въ ереси: „Въ чемъ собственно состоитъ ученіе Товіанскаго—трудно сказать: онъ его называетъ *новыми законами*, а Мицкевичъ также говоритъ на лекціяхъ о новой церкви, новомъ Евангеліи, новой молчѣи Господней, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ они объявляютъ что это не новая религія, а только дополненіе христіанства, какъ христіанство было дополненіемъ прежней религіи.“

Оставляя богословамъ догматическую сторону ученія Товіанскаго, Витвицкій обращаетъ вниманіе только на практическую:

„Товіанскій предсказываетъ немедленный конецъ эмиграціи, немедленное воскресеніе отечества, говоритъ что съ этою счастливою вѣстью онъ нарочно прислалъ Богомъ; но проходятъ мѣсяцы, цѣлые годы, а пророчество не исполняется. Онъ предсказываетъ множество иныхъ событій, напримѣръ, что мужъ судьбы уже на свѣтѣ и что онъ, Товіанскій, имѣетъ для него готового коня, что одинъ монархъ (Лудовикъ-Филиппъ) уже свергнутъ съ трона предопредѣленіемъ Божи-

* *Przeegl. Pozn.* XXV, 176.

имъ (а этотъ монархъ до сихъ поръ благополучно царствуетъ), что на художественной выставкѣ въ Парижѣ будетъ портретъ Наполеона, который произведетъ революцію и т. п. Онъ разказываетъ какъ приходили къ нему святые съ неба, Св. Іоаннъ, Св. Казиміръ и другіе, даже Богородица и самъ Христовъ, какъ онъ съ ними по цѣлымъ часамъ разговаривалъ и выспрашивалъ у нихъ обо всемъ о чемъ только хотѣлъ. Но лишь только ушли, онъ спѣшитъ—куда? Въ *Большую Оперу* и на *балетъ* отдохнуть, какъ говорить, отъ *трудоу духа** *...

Товіанскаго Витвицкій называетъ *лечтателемъ* (magusciel), который въ своемъ лыкомъ, склонномъ къ мистицизму воображеніи создалъ себѣ особую вѣру основанную на разныхъ старыхъ и новыхъ заблужденіяхъ, а его учениковъ считаетъ людьми увлекающимся, не имѣвшими прежде никакой религіи.

Всѣмъ за Витвицкимъ, въ томъ же году, *Владиславъ Гомбевскій* издалъ брошюру *Mickiewicz odtoni ony i Towiańszczyzna*. Товіанцизмъ онъ называетъ *умственною болѣзнію эмиграціи*, а главнымъ виновникомъ этой болѣзни считаетъ Мицкевича, а потому полагаетъ что было бы вѣрнѣе называть ее *Мицкевичизмомъ*. Ученіе, главнымъ проповѣдникомъ котораго былъ Мицкевичъ, составлено, по его мнѣнію, изъ кусковъ разныхъ религіи и фантазій Сведенборга, плаукиатовъ и т. п. „Не религиозное чувство“, говоритъ онъ въ заключеніе, „не вѣра въ божественную миссію учителя, не желаніе послужить стечеству или человечеству привлекли Мицкевича къ ученію Товіанскаго, а только *гордость* и *эголюбівіа*.“

Не оставался равнодушнымъ зрителемъ пропаганды Мицкевича и князь Адамъ Чарторыйскій, глава польской эмиграціи. Онъ обвинялъ Товіанскаго въ распространеніи ереси и въ то же время въ потворствѣ православію и въ вѣроподдаивчествѣ Россіи; на Мицкевича падала вина въ проплагираніи между эмигрантами столь ненавистнаго князю ученія Товіанскаго. Мицкевичъ былъ вынужденъ устно и письменно защищать себя и своего учителя отъ всѣхъ этихъ обвиненій. **

* Ibid. 174.

** *Współdział*, II, 154. Cnf. I, 299.

Съ своей стороны Мицкевичъ обвинялъ Чарторыйскаго въ потворствѣ клеветамъ на него и Товіанскаго, распространяемымъ газетой *Trzeci Maj*. Дѣло происходило такъ:

3го мая 1843 года въ засѣданіи польскаго Историко-Литературнаго Общества Мицкевичъ сказалъ рѣчь, * въ которой проводилъ ту мысль что *возстановленіе Польши невозможно, если она вполнѣ не разорветъ съ прошлымъ, если она не возродится съ духъ*. „Не ищите въ книгахъ, въ исторіи, въ каеедрахъ, въ спеціальныхъ наукахъ, въ дипломатіи средствъ къ вашему возрожденію“, говорилъ онъ; „ищите ихъ въ сердцахъ вашихъ... Еслибы Польша могла быть спасена стойкостью, умомъ и политикою, еслибы ея существованіе было связано со спеціальными науками и дипломатіей, то почтенная семья Чарторыйскихъ давно бы ее спасла...“ Рѣчь свою Мицкевичъ заключилъ слѣдующими словами: „Все будетъ тщетно, пока не возродитесь въ духъ. Но что же это за возрожденіе въ духъ? Ответъ на этотъ вопросъ каждый изъ васъ найдетъ въ глубинѣ своего чувства. Положите за тѣмъ конецъ вашимъ распрямъ и примиритесь; ибо ничего добраго не можетъ быть отъ вашихъ партій, запечатлѣнныхъ гордостью, ненавистью и неволей, которой каждый изъ ихъ членовъ долженъ подчиниться.“

Эта рѣчь въ духъ Товіанскаго произвела тяжелое впечатлѣніе на слушателей, особенно же на корифеевъ эмиграціи, князя Чарторыйскаго и графа Замойскаго; люди къ нимъ близкіе старались еще болѣе вооружить ихъ противъ Мицкевича, и въ *Третьемъ Майѣ*, газетѣ считавшейся органомъ Чарторыйскаго и получавшей субсидіи и внушенія отъ графа Замойскаго, появился рядъ статей, въ которыхъ Товіанскій и его ученикъ Мицкевичъ были обвиняемы въ измышленіи и распространеніи еретическаго ученія, подрывающаго католическую религію. Чарторыйскій, Замойскій и нѣкоторые другіе члены Историко-Литературнаго Общества, особенно же Витвицкій и Сынкевичъ, поддерживали эти обвиненія, и потому Мицкевичъ нашелся вынужденнымъ отказать отъ предсѣдательства въ этомъ Обществѣ (6го марта 1844 года). **

Такимъ образомъ Мицкевичъ порвалъ всякую связь съ эмиграціей. Вскорѣ послѣ того онъ былъ удаленъ Француз-

* Ibid. I, 82—5.

** Ibid. 145—9, 161.

скимъ правительствомъ изъ Collège de France: въ маѣ 1844 года министръ народнаго просвѣщенія предложилъ ему добровольно прекратить чтеніе лекцій, обвѣщая ему пенсію; но Мицкевицъ отвѣчалъ что „онъ долженъ исполнять свою обязанность“, и тогда министерство уволило его отъ службы въ Collège de France. * Лишенный средствъ къ существованію, Мицкевицъ долженъ былъ принять съ благодарностью ничтожное мѣсто при библіотекѣ арсенала.

Такъ жестоко поплатился Мицкевицъ за свое увлеченіе товіанизмомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВИКЕНТІЙ МАКУШЕВЪ.

* Ibid. 158, 4.

АНДРЕЙ ТОВЯНСКІЙ *

ЕГО ЖИЗНЬ, УЧЕНІЕ И ПОСЛѢДОВАТЕЛИ

ПО НОВЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ

III.

Товянскій въ Бельгіи. — Свиданія съ нимъ ксендза Семененко и Мицкевича. — Отъѣздъ въ Швейцарію. — Стошенія съ Ротшильдомъ. — Знакомство со швейцарскимъ философомъ Лебромъ. — Отъѣздъ въ Римъ и письмо къ папѣ. — Изгнаніе изъ Рима и возвращеніе въ Швейцарію. — Мысли о необходимости сближенія Поляковъ съ Россіей. — Прогненіе императору Николаю I: великая будущность Россіи, какъ славянской державы; заблужденія Поляковъ; императоръ Николай I „величайшее орудіе Бога на землѣ“. — Стошенія съ парижскимъ кружкомъ. — Воззваніе къ Швейцарцамъ. — Пребываніе Товянскаго въ Швейцаріи. — Назначеніе Ружицкаго „вождемъ“ кружка. — „Бесѣда“ съ Ружицкимъ. — Отношенія товянщиковъ къ эмиграціи. — Товянскій проповѣдуетъ союзъ Поляковъ съ Французами и Англичанами. — Поляки должны произвести политической переворотъ въ Россіи и во всей Европѣ. — Соціально-политическая пропаганда Мицкевича. — Отношенія эмиграціи и товянщиковъ къ государственному перевороту во Франціи въ 1848 году. — Манифестъ Мицкевича. — Мицкевичъ въ Итали. — Новое столкновеніе товянщиковъ съ эмигрантами. — Товянскій въ Парижѣ и вторичное изгнаніе его изъ Франціи. — Сближеніе Товянскаго съ ксендзомъ Думскимъ. — Брошюра ксендза Семененко противъ Товянскаго. — Послѣдніе годы жизни Товянскаго.

19го іюля 1842 года Товянскій выѣхалъ изъ Парижа въ Бельгію. Пробывъ до 30го числа въ Senlis ** съѣ отправился далѣе въ Брюссель, откуда 5го августа послалъ Мицкевичу

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2й и 5й.

** *Współudział A. Mickiewicza w sprawie A. Towiańskiego* 1, 35 и сл.

инструкцію для „братьевъ, слугъ дѣла Божія“. Въ Брюссель Товянской прожилъ почти безвыѣздно цѣлый годъ, только въ сентябрѣ находимъ его въ Остенде. Поддерживая постоянную переписку съ Мицкевичемъ, онъ зналъ обо всемъ что его интересовало въ Парижѣ, и руководилъ занятіями своихъ учениковъ, но о себѣ почти ничего не сообщалъ; поэтому намъ извѣстно очень мало о жизни его въ Брюсселѣ. Изъ письма Мицкевича къ гжѣ Гуттъ отъ 23го октября 1842 года узнаемъ что наканунѣ этого дня одинъ изъ товянщиковъ R., отличавшійся мягкостью характера и скромностью, легко воспламеняющійся и столь же легко остывающій, преданный дѣлу, но дѣлиный, отправился въ Брюссель къ Товянскому за совѣтами. Черезъ мѣсяць послѣ того Товянской, возбуждаемый Мицкевичемъ, имѣлъ свиданіе съ проживавшимъ въ Брюсселѣ Лелевелемъ, извѣстнымъ историкомъ и эмиграционнымъ дѣятелемъ, и велъ съ нимъ какой-то горячій споръ, послѣ котораго Лелевелъ, уходя отъ него, сказалъ: „знаю что меня ожидаетъ, если не покорюсь“. Можно догадываться что Товянской хотѣлъ завербовать Лелевела въ число своихъ послѣдователей. Наконецъ въ томъ же году около праздниковъ Рождества Христова посѣтилъ Товянского уже извѣстнымъ читателямъ ксендзъ Семененко. * Находясь еще въ Римѣ, въ 1841 году онъ получилъ отъ своихъ ларижскихъ друзей извѣстіе о предсказаніяхъ Товянского и тогда же рѣшился лично познакомиться съ нимъ; но, принужденный ѣхать изъ Рима въ Берлинъ, онъ могъ осуществить свое желаніе только въ концѣ 1842 года. Въ это время онъ успѣлъ уже изучить *Besny* Товянского и сравнить ее съ ученіемъ католической церкви. Какъ по собственному желанію, такъ и по просьбѣ своихъ друзей, на пути изъ Берлина въ Парижъ онъ нарочно заѣхалъ въ Брюссель чтобы повидаться съ Товянскимъ и потребовать отъ него нѣкоторыхъ объясненій. Около праздниковъ Рождества Христова Семененко отправился къ Товянскому „съ недоверіемъ къ собственнымъ своимъ силамъ“, какъ самъ говоритъ въ подробномъ описаніи ихъ свиданія, „потому что зналъ о *магическомъ альянсіи* Товян-

* Свиданіе свое съ Товянскимъ Семененко описалъ въ брошюрѣ *Towiański et sa doctrine jugée par l'enseignement de l'Eglise* Польскій переводъ въ *Przeegl. Pozn.* XXV, 168—172.

скаго на лицъ которая съ нимъ сближалась. "Послѣ нѣкотораго ожиданія вышелъ къ нему Товянскій. Съ перваго же взгляда на него, съ первыхъ же его словъ Семеновко призналъ въ немъ *шарлатана*. Товянскій началъ разговоръ съ громкихъ фразъ о торжественности наступившей минуты, которая должна быть записана въ книгу вѣчности и т. л. Семеновко прервалъ его и въ немногихъ словахъ объяснилъ ему поводъ своего посѣщенія.

— Ты утверждаешь, говорилъ онъ, — что послаемъ свыше чтобъ открыть волю Божию и возвестить новое ученіе; ты требуешь отъ людей чтобъ они вѣрили тебѣ и шли за тобою; нѣкоторые уже такъ и сдѣлали, и въ числѣ ихъ находятся мои знакомые и друзья; повтому я считаю своею обязанностью относительно Бога и ближнихъ предложить тебѣ нѣсколько вопросовъ и попросить у тебя отвѣта на нихъ.

Получивъ согласіе отъ Товянскаго, Семеновко сказалъ ему:

— Я заранѣе приготовилъ вопросы; всѣ они происходятъ изъ одного источника—изъ твоей *Бесѣды*, а потому прежде всего позволь спросить тебя: признаешь ли ты ее своимъ сочиненіемъ?

— Да, это мое сочиненіе, отвѣчалъ Товянскій,—но я не имѣлъ намѣренія обнародовать его.

— Было ли это твоимъ намѣреніемъ, не стану разбирать, говорилъ Семеновко, — заявляю только какъ о фактѣ что *Бесѣда* обнародована. Ученіе которое въ ней содержится, по моему мнѣнію, совершенно противно догматамъ церкви.

— Нѣтъ, возражалъ новый пророкъ съ нѣкоторою торжественностью,—въ этомъ сочиненіи нѣтъ ничего противнаго Евангелію или ученію церкви: оно даетъ только высшее пониманіе Евангелія и подробнѣе развиваетъ ученіе церкви.

— Такъ ты утверждаешь, но обрати только вниманіе на то что я скажу тебѣ. Одно ученіе не можетъ быть развитіемъ другаго, если во всѣхъ пунктахъ гдѣ одно говоритъ *да*, другое говоритъ *нѣтъ*, и наоборотъ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Ты говоришь вездѣ *нѣтъ* гдѣ католическое ученіе говоритъ *да*, и *да* гдѣ оно говоритъ *нѣтъ*. Мой взглядъ вѣренъ, и ты его не отвергаешь. Выслушай же теперь доводы.

Тогда Семеновко принялся перечислять догматы церкви, сопоставляя ихъ съ мыслями Товянскаго. Тотъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ и безо всякихъ возраженій. Доказавъ что ученіе Товянскаго противорѣчитъ Евангелію и ученію

церкви, Семеновко потребовалъ отъ него объясненій. Товянскій ему отвѣтилъ:

— Нечего мнѣ объяснять, и никакихъ объясненій не дамъ. Сочиненіе о которомъ ты мнѣ говорилъ предназначалось не для публики, а для одного только частнаго лица. Этому лицу я далъ всѣ нужныя объясненія, а давать таковыя публикѣ я вовсе не обязанъ.

— Ты долженъ дать объясненія, сказалъ Семеновко;—иначе ты утверждаешь что есть иная правда для частныхъ лицъ и иная для публики.

Товянскій упрямно стоялъ на своемъ и никакихъ объясненій не хотѣлъ давать. Напрасно Семеновко дѣлалъ всѣ усилія чтобы вызвать его на объясненія. Наконецъ Товянскій сказалъ что онъ найдетъ объясненія въ другихъ его трудахъ которые готовятся къ печати; потомъ началъ развивать цѣлую систему о Богѣ, Христѣ, обществѣ и отечествѣ: живыми красками изображалъ величіе Христа; обѣщалъ церкви великую будущность; превозносилъ народъ, его терпѣніе, его заслуги, его способности и предсказывалъ побѣду демократіи; обоготворялъ отечество и называлъ его словомъ Божиимъ; кроче употреблялъ всю свою діалектику чтобы повліять на Семеновка. Наконецъ, видя что не успѣвалъ подѣйствовать на его сердце, Товянскій сталъ искушать его, возбуждая въ немъ самолюбіе:

— Ты великій умъ, говорилъ онъ,—ты совершилъ великія дѣла! ты раздѣлишь со мною тяжесть моей миссіи, тяжесть, которую безъ тебя я одинъ долженъ двигать!

При этихъ словахъ Семеновко разсмѣялся, и, обиженный его смѣхомъ, Товянскій не хотѣлъ продолжать разговоръ. Семеновко его успокаивалъ что онъ пришелъ не съ тѣмъ чтобы надъ нимъ смѣяться, но что его слова неволью возбудили смѣхъ въ немъ какъ въ христіанинѣ.

— Все это ложное смиреніе! когда мы велики, мы должны сознавать свое величіе; но ты пришелъ съ земнымъ, продолжалъ пророкъ, давая иной оборотъ разговору,—и вотъ почему ты меня не понимаешь.

— Не знаю что ты называешь земнымъ; знаю только что сегодня утромъ я отслужилъ мшу за успѣхъ нашего свиданія, приобщился тѣла и крови Христовой и со Христомъ пришелъ сюда.

— Все земля! все земля!

— Какъ такъ? Ты называешь землею тѣло и кровь Христову?

— Братъ! нужно чтобы ты принесъ жертву духа.

И, показавъ при этомъ Семененку образъ Св. Іоанна Евангелиста съ орломъ у ногъ и съ тучею и молніями надъ головою, Товяскій воскликнулъ:

— Вотъ жертва духа! вся суть въ жертвѣ духа! Возвысься до жертвы духа! Нужно чтить Бога въ духѣ и истинѣ.

— Такъ, отвѣчалъ Семененко,—свѣдуетъ чтить Бога въ духѣ и истинѣ; но прежде всего нужно знать какой это духъ и какая это истина.

— Нѣтъ, возражалъ Товяскій,—прежде всего нужно чтить Бога въ духѣ и истинѣ, и только потому мы не можемъ согласиться между собою что не соединились въ духѣ предъ начатиемъ нашей бесѣды.

— Но какъ же ты хотѣлъ чтобы я соединился съ твоимъ духомъ, если я не знаю впередъ какой это духъ?

— Твое чувство должно было сказать это тебѣ.

— Но вѣдь чувство не ведетъ къ познанію истины. Единственный къ тому путь—вѣра, почерпнутая въ ученіи церкви, *fides ex auditu*. Прежде чѣмъ чтить Бога въ духѣ и истинѣ, нужно имѣть истинную вѣру, которая показала бы намъ какой это духъ и какая истина, а вѣра исходитъ только изъ ученія церкви. Это прежде всего.

— Прежде всего, вновь повторилъ пророкъ,—нужно чтить Бога въ духѣ и истинѣ, какъ должно было указать тебѣ твое чувство.

— Прежде всего, возражалъ ему опять Семененко,—свѣдуетъ знать какъ чтить; прежде всего нужна вѣра, почерпнутая въ ученіи, *fides ex auditu*.

Въ это время они говорили стоя. Вдругъ пророкъ принялъ величественную позу, сдѣлаавъ нѣсколько шаговъ назадъ, закинулъ голову, протянулъ руки и началъ кричать торжественнымъ голосомъ:

— Братъ, взываю къ тебѣ, услышь гласъ Божій! Ты отдашь Богу отчетъ въ томъ что сдѣлаешь. Богъ повелѣваетъ тебѣ идти за мною. Настоящій часъ бьетъ для тебя въ вѣчности, припомнится онъ тебѣ на смертномъ одрѣ.

Потомъ онъ сталъ самымъ настоятельнымъ образомъ убѣждать Семененка чтобы онъ сдѣлался его ученикомъ; но вида что тотъ стоитъ неподвижно, вперивъ въ него глаза,

незамѣтно понизилъ тонъ и окончилъ чѣмъ-то очень обыкновеннымъ.

Пора была разставаться, и Семеновко обратился къ нему со слѣдующими словами:

— *Мнѣ саѣдуетъ говорить тебѣ отъ имени Бога. Я Его священникъ, и въ этомъ качествѣ имѣю миссію. Итакъ, я долженъ объявить тебѣ что ты находишься на ложномъ пути, на томъ самомъ который избралъ Лютеръ и его послѣдователи, поражаемые тобою столь эвергически; между ними и тобою въ томъ только разниа что они основывали свою вѣру на разумъ, а ты на чувствѣ. Господь Богъ отдалъ дѣла вѣры одной только церкви. Ученіе церкви, а не чувство или разумъ указываетъ намъ во что должны мы вѣрить. Повторяю: ты находишься на ложномъ пути. Слѣдовательно вся твоя доктрина — ложъ и ажи ты учишь. Отсюда слѣдуетъ что ты губишь души и губишь на вѣки, начиная съ собственной. То что я говорю тебѣ въ настоящую минуту, дѣйствительно исходитъ отъ Бога, въ чемъ могу теба увѣрить, ибо Богъ далъ мнѣ право на то чтобы мои слова дѣйствительно припомнились тебѣ въ моментъ смерти и звучали весь вѣкъ твой. Я исполнилъ свой долгъ: ты услышалъ правду, и тебѣ ничего другаго не остается какъ поступать по ней.*

Пока Семеновко говорилъ, Товяскій принималъ видъ сначала серьезный, потомъ сосредоточенный и наконецъ сокрушенный; все ниже и ниже склонялъ голову, скрестилъ руки на груди, весь наклонился и слушалъ въ смиренной позѣ. Когда Семеновко кончилъ, Товяскій подѣловалъ ему руку и съ нѣкоторымъ волненіемъ сказалъ:

— Если такъ, отче, то молись за меня.

Такъ кончилось свиданіе Семеновка съ Товянскимъ.

Нѣтъ сомнѣнія что Товяскій занимался пропагандой своего ученія въ Бельгii и что ему усердно помогалъ въ этомъ докторъ Гуттъ. Въ началѣ лѣта 1843 года онъ получилъ отъ бельгійскаго правительства приказаніе удалиться изъ предѣловъ Бельгii; но отложилъ свой выѣздъ до свиданія съ Мицкевичемъ. Въ послѣднихъ числахъ іюля Мицкевичъ прибылъ въ Брюссель, а 3го августа выѣхалъ оттуда обратно въ Парижъ. Онъ отдалъ Товянскому отчетъ въ состояніи Парижскаго кружка, получилъ отъ него инструкціи для дальнѣйшихъ дѣйствій и вѣроятно убѣждалъ его ускорить отъѣздъ въ Римъ. Товяскій уже давно обѣщалъ лично представить

на судъ палы свое ученіе; но постоянно откладывалъ свое путешествіе въ Римъ, чѣмъ пользовались польскіе ксендзы въ Парижѣ для возбужденія общественнаго мнѣнія противъ товянщиковъ. Положеніе Мицкевича и цѣлаго кружка становилось съ каждымъ днемъ тяжелѣе, и онъ, собравъ три тысячи франковъ на путешествіе Товянскаго, долженъ былъ ускорить его отъѣздъ. И дѣйствительно, въ августѣ онъ выѣхалъ изъ Брюсселя въ Швейцарію, а въ началѣ сентября былъ уже въ Лозаннѣ, куда вскорѣ прибылъ и Мицкевичъ. вмѣстѣ они путешествовали по Швейцаріи, всячески распространяя новое ученіе. На простой народъ они дѣйствовали примѣромъ, строго разчитывая каждый шагъ, каждый незначительнѣйшій поступокъ; интеллигенцію и людей вліятельныхъ они старались вовлечь въ свой кружокъ силой убѣжденія, лестно и хитростью. Особенныя старанія прилагалъ въ это время Товянскій къ уловленію въ свои сѣти франкфуртскаго банкира Ротшильда. На пути изъ Брюсселя въ Швейцарію онъ остановился во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, видѣлся съ Ротшильдомъ и говорилъ съ нимъ. Аудиенцію у Ротшильда онъ получалъ, вѣроятно, вслѣдствіе письма къ нему отъ 15го августа. Оно начинается такими словами: „Богъ услышалъ плачь и моленіе Израиля во вѣки. Поставилъ Богъ избавить Израиля отъ нужды и униженія. Кто великъ предъ Нимъ тому предназначилъ быть великимъ на землѣ. Для спасенія Израиля Богъ заключаетъ перемиріе съ Израилемъ. Отъ принятія воли Божіей зависитъ спасеніе Израиля. Вскорѣ услышитъ Израиль гласъ Господа своего, и съ того времени долженъ готовиться къ великому своему моменту.“ За тѣмъ Товянскій обращается къ Ротшильду какъ къ избраннику Божію: „Мысль Божія почла на родѣ твоемъ. По мысли своей Господь возвысилъ родъ избранный... Члены избраннаго рода не знали донинѣ мысли Божіей, и многоразличныя жертвы и доблести не были исполненіемъ мысли Божіей. Умершіе страдаютъ и ждутъ искушенія отъ живыхъ, а только исполненіе мысли Божіей живыми спасаетъ мертвыхъ. Возвѣщаю это тебѣ по велѣнію свыше, дабы ты приготовлялъ духъ свой къ великому моменту когда Господь позоветъ тебя на службу.“ Наконецъ, изложивъ въ туманныхъ выраженіяхъ свое ученіе о готовящемся всемірномъ переворотѣ, Товянскій заключаетъ письмо словами: „*Призванный волею Божіею къ долгу милосердія Господня, я воз-*

въщаю тебѣ волю Бога и тѣмъ исполняю свою обязанность.“ По прїѣздѣ въ Швейцарію Товянскій отправилъ къ Ротшильду „одного брата изъ Израиля, котораго Богъ рано призвалъ на Свою службу и который своимъ израильскимъ духомъ исполнилъ многочисленныя службы на пользу дѣла Божія“ (это былъ уже извѣстный намъ Рамъ). Съ этимъ братомъ, „который долженъ былъ сослужить службу“ Ротшильду, Товянскій писалъ о „скоромъ наступленіи великихъ дней Израиля“, „о великой будущности Израиля на землѣ“, и объ избраніи Ротшильда „орудіемъ Божиимъ въ дѣлѣ спасенія Израиля“. * Это письмо и рѣчь Рама, если вѣрять Товянскому, произвели сильное впечатлѣніе на Ротшильда, и онъ „смирился предъ волею Божіею“. Раму помогали въ его миссіи двѣ сестры, Амалия и Анна, которыя „освободили Ротшильда отъ злаго духа“. Въ послѣдствіи впрочемъ пришлось Товянскому разочароваться въ надеждахъ которыя онъ возлагалъ на Ротшильда.

Въ Лондонѣ Товянскій познакомился со швейцарскимъ философомъ Лебромъ (Lèbre), сотрудникомъ *Revue des Deux Mondes* (умеръ въ Парижѣ 26го марта 1844 года), ** и произвелъ на него сильное впечатлѣніе, какъ видно изъ его дневника. ***

Лебръ называетъ Товянскаго *человкомъ чрезвычайнымъ* (un homme extraordinaire), прибавляя что *въ немъ воплотились всѣ идеи вѣка*. „Онъ волаощенный духъ вѣка; всѣ инстинкты вѣка въмѣщаются въ его великомъ сердцѣ; онъ обладаетъ сильнымъ словомъ, высокимъ умомъ“. Лебръ называетъ *сверхчеловѣческими* (surhumaines) познанія, провидѣтельность и оуду слова Товянскаго, говоритъ что его энтузіазмъ всемогущъ, что его умъ проникнуть героическою добротой (d'une bonté héroïque), что въ его сердцѣ раздается побѣдная пѣсня и радостное *осанна*. Даже наружность Товянскаго произвела на Лебра чрезвычайное впечатлѣніе: „какія величественныя манеры, какой вѣжннй взглядъ, какое

* Ibid. 196—8.

** Сочиненія Лебра изданы въ Лозаннѣ и Парижѣ въ 1856 году Маркомъ Дебри подъ заглавіемъ *Oeuvres d' Adolphe Lèbre recueillies et publiées par M. Marc Debrit*.

*** *Współdział* II, 189—191.

спокойствіе, какая сила, какая любовь, какая дѣятельная скромность, какое царственное величіе!“ Такимъ, по словамъ Лебра, долженъ бы быть человѣкъ безгрѣшный. Лебръ сомнѣвался только, христіанинъ ли Товянский. Если онъ не христіанинъ, то поколеблетъ христіанство болѣе чѣмъ всѣ философскія системы. Онъ отвѣчаетъ отъ Креста милліоны.

Когда Лебръ спросилъ Товянскаго что онъ думаетъ о грѣхопадении, тотъ былъ удивленъ и потребовалъ объясненій. Лебръ сказалъ что онъ чувствуетъ въ себѣ внутреннюю силу враждебную Богу, силу которая влечетъ его къ постыднымъ поступкамъ, которая уничтожаетъ лучшія его намѣренія, которая преслѣдуетъ его въ самыхъ вѣжныхъ привязанностяхъ, въ наукахъ, искусствахъ, молитвѣ. „Что же это за сила которая, вопреки мнѣ, вооружаетъ меня противъ Бога?“*—Товянский отвѣчалъ что грѣхъ есть то что унижаетъ, а добродѣтель то что возвышаетъ, что добродѣтель низшей души можетъ быть большимъ грѣхомъ для высшей, что единственное общее правило состоитъ въ экзальтаціи и постоянномъ возвышеніи къ Богу. „Но экзальтація не всегда свята“, возразилъ ему Лебръ: „это доказываетъ любовь; она умножаетъ всѣ наши великодушныя силы и скрываетъ однако въ себѣ такой эгоизмъ что при встрѣчѣ съ препятствіемъ все приносится въ жертву страсти, и въ увлеченіи человѣкъ забываетъ человѣчество и Бога чтобы сласти только свою любовь. Энтузіазмъ даетъ намъ крылья; но онъ можетъ лишить насъ неба и низвергнуть въ адъ.“ Товянский на это замѣтилъ что такой энтузіазмъ хочетъ упорно остановиться на пути и не окончить своего лѣта къ Богу. Эта мысль показалась Лебру весьма глупою, достойною размышленія. Онъ заключаетъ свои замѣтки о свиданіи съ Товянскимъ слѣдующими словами: „Возможно ли вѣрить чтобы постулки человѣка въ этой кратковременной жизни, столь мало отъ него зависящей, могли рѣшать о вѣчности,** и чтобы эта вѣчность для огромнаго большинства была самымъ страшнымъ несчастіемъ? Эта мысль безбожна; на ней нельзя остановиться. Съ другой стороны, возможно ли блаженство для порочной души? Единственный исходъ не есть ли метемпсихозъ?... Нашъ вѣкъ слишкомъ палъ чтобы человѣкъ могъ помочь ему. Нужна

* Ibid. 196—8.

** Ibid. I, 189.

помощь Божія: будемъ ждать чуда, будемъ молить о чудѣ. Вѣра поколеблена до самыхъ основаній своихъ. Только новое откровеніе можетъ возратить ее человѣку.“

Въ октябрѣ Товянскій отправился въ Римъ—„возвѣстить“ папѣ Григорію XVI „волю Божію, отдать ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и потомъ получить отъ него благословеніе согласно волѣ Божіей“; но прежде чѣмъ успѣлъ испросить аудіенцію у папы, былъ удаленъ полиціей изъ Рима. Полагаютъ что виновниками его изгнанія изъ папской столицы были польскіе ковенды, которые успѣли въ свое время донести объ его похожденіяхъ въ Парижѣ. Виноватъ былъ также, по крайности отчасти, самъ Товянскій, обратившій на себя вниманіе полиціи страннѣйшимъ своимъ поведеніемъ: онъ ѣздилъ по городу на бѣломъ конѣ или ходилъ по улицамъ *гуськомъ* со всѣмъ своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ, въ такомъ порядкѣ: сначала онъ, потомъ дѣти, а за ними шурины и сестра; когда онъ останавливался, останавливались всѣ они; когда онъ шелъ, никто изъ нихъ не отставалъ отъ него *.

Проживъ въ Римѣ только нѣсколько дней, Товянскій получилъ приказаніе удалиться изъ него въ теченіе 24 часовъ. Онъ уѣхалъ въ близъ лежащій городокъ Ровиньоне, откуда 25 октября послалъ съ Рамоу письмо къ папѣ. ** Оно писано на французскомъ языкѣ. Такъ какъ оно весьма важно для характеристики Товянскаго, то мы сообщимъ его въ переводѣ.

„Вотъ уже четвертый годъ какъ я покинулъ родину по велѣнію Господа, открытому мнѣ недостойному, дабы возвѣстить волю Божію народамъ и отдѣльнымъ лицамъ, на которыхъ имѣеть излиться вышнѣ милосердіе Божіе, обѣщанное роду человѣческому столько вѣковъ тому назадъ.

„И къ тебѣ, отче, первому представителю Господа на землѣ, я имѣю самую священную миссію.

„Богъ волею избирать самыхъ вичтожныхъ людей для исполненія Своей воли на землѣ. Богъ волею посылаетъ Своего послѣдняго слугу къ Своему первому представителю.

„Повинуясь Богу, я въ первый разъ ослушался своего

* Ibid. II, 199. *Przevl. Pozn.* XXV, 173.—L. Golembiowski, 68.

** *Współudział* II, 198—201.

природнаго правительства, ибо несправедливо повиноваться людямъ болѣе чѣмъ Богу.

„Во Франціи, опираясь на обѣщанное Господомъ милосердіе, я, слабый, имѣлъ смѣлость въ парижемскомъ соборѣ, подкрѣпившись таинствомъ святаго причащенія, возвѣститъ предъ Господомъ начало дѣла милосердія. Этотъ актъ совершенъ 27 сентября 1841 года.

„Потомъ я изложилъ волю Божию моимъ братьямъ изгнанникамъ; я ихъ пригласилъ на грядущіе великіе дни, я имъ объяснилъ какъ поступать чтобы лучшій изъ отцовъ пересталъ удручать несчастный народъ, я имъ показалъ тщету всѣхъ человѣческихъ усилій.

„Благословеніе Божіе было съ нами, и благодать Божія была плодотворна. Есть люди которые пылаютъ любовью къ волѣ Божіей и сватымъ желаніемъ жертвовать собою ради этой любви, доставляя торжество знамени Христову въ частной и политической жизни человека.

„Я вѣрю что та же благодать которая произрасла въ небольшомъ кружкѣ произрастетъ въ сердцахъ милліоновъ и что никакія человѣческія усилія не оставовятъ болѣе теченія воли Божіей.

„Это было мое первое дѣло, отче!

„Французское правительство, не выславъ меня, приказало мнѣ покинуть Францію. Я повиновался.

„Я далъ отчетъ предъ Богомъ. А ты, отче, какъ первый представитель Господа на землѣ, ты долженъ произнести свой возвышенный приговоръ. Человѣчество ждетъ такого приговора отъ тебя.

„Настало время исполнить мою миссію при святѣйшемъ престолѣ. Я прибылъ въ Римъ почтить мысль Божію въ тебѣ, отче, возвѣститъ тебѣ волю Божію, отдать тебѣ отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ и потомъ получить твое благословеніе по волѣ Божіей.

„Орудіе слѣшкомъ слабое, когда я собирался съ силами испрашивать необходимую помощь Божію, я получилъ отъ правительства приказаніе немедленно покинуть Римъ. Отдѣляя твою волю, отче, отъ приказанія твоего правительства, я могъ прибѣгнуть только къ тебѣ; но мнѣ отказали въ твоемъ дворцѣ въ милости которой я просилъ, позволить мнѣ искать у ногъ твоихъ твоего покровительства лично или письменно.

„Я считалъ долгомъ своимъ дать объясненіе твоему правительству, но меня также отвергли, отказали мнѣ въ словѣ, повторили мнѣ приказаніе покинуть Римъ.

„Воля Божія терпитъ преслѣдованія повсюду, но рано или поздно она восторжествуетъ.

„Я повиновался и покинулъ Римъ. Но такъ какъ это приказаніе правительства не можетъ лишить меня воли Божіей, а одинъ только Богъ можетъ освободить меня отъ ея исполненія, и такъ какъ я боюсь оставить на своей совѣсти великую отвѣтственность въ великомъ дѣлѣ спасенія рода человѣческаго, то, едва удалившись изъ Рима, слышу изложить тебѣ, отче, письменно столь великое дѣло.

„Когда отняты у человѣка всѣ средства заявить волю Божію предъ святѣйшимъ престоломъ, Богъ возагааетъ на твою совѣсть, отче, исполненіе обязанностей которыя по волѣ Его лежатъ нынѣ на святѣйшемъ престолѣ. Богъ будетъ ждать отъ тебя, отче, результатовъ Своей воли, и съ тѣхъ поръ какъ это заявленіе сложено у столъ твоихъ, отче, ты отдашь отчетъ Богу.

„Настало время когда воля Божія, послѣ многовѣковыхъ уклоненій рода человѣческаго, совершится. Родъ человѣчскій будетъ повиноваться Его любви или силѣ Бога. Слово Божіе будетъ жить, будетъ торжествовать на землѣ, отче: мнѣ дана власть возвѣстить это тебѣ.

„Боже всемогущій! Ты видишь что я, самый слабый и недостойный изъ смертныхъ, старался исполнить велѣнія Твои. Возложи волю Свою на Своего представителя, Боже мой, и да будетъ воля Твоя!

„Прости по милосердію Своему многочисленныя мои прегрѣшенія и дай совершить мнѣ эту часть миссіи!

„Въ молитвѣ и униженіи буду ждать велѣній Твоихъ, и буду взывать къ милосердію Твоему, дабы современемъ, обожая мысль Твою, я могъ облобызать ноги Твоего представителя, котораго Ты предназначилъ для нашего спасенія, исполнять данную мнѣ Тобою миссію при святомъ престолѣ и облегчить тяжесть которая лежитъ на немъ въ эти великіе дни.

„Боже мой, внуши Твоему первому представителю ту любовь и милость въ которыхъ Господь являлъ Иисусъ Христосъ не отказываясь грѣшникамъ, дабы эта любовь и

милость дади мнѣ силы привести плоды моеи преданности согласно Твоей волѣ.

„Отврати, лучший изъ Отцовъ, усилія зла, и прости тѣмъ которые, руководимые зломъ, противодействуютъ волѣ Твоей на землѣ; ибо милосердіе Твое простирается на весь родъ человѣческой и на всѣ вѣка.

„Да преисполнитъ милосердіе Твое, Отче нашъ, Твоего перваго представителя благодатью Твоею и вѣчнымъ блаженствомъ!

„Отче! Черезъ нѣсколько часовъ я буду внѣ твоихъ владѣній; мысленно ладаю къ ногамъ твоимъ, не имѣя возможности сдѣлать это физически.

„Чту въ тебѣ мысль Божію и умоляю, если найдешь меня достойнымъ того, благослови меня на тяжелый путь мой.

„Отче! Богъ взираетъ на насъ. Богъ судитъ насъ. Отче! Ты признаешь чистоту мою, если не въ этой жизни, то смѣю сказать, на судѣ Божіемъ!

„Повергаю прошеніе мое къ столамъ твоимъ чрезъ посредство одного Израильянина, которому я далъ почувствовать сго заблужденія, исполняя миссію мою въ отношеніи Израиля; онъ прибылъ изъ Парижа въ Римъ облобызывать ноги твои и испросить благословенія твоего на дѣло обращенія его братьевъ, которое онъ предпринялъ, слѣдуя внушенію внутренняго своего голоса.“

Подъ этимъ письмомъ подпись: „Андрей Товянский, Полякъ изъ Литвы.“ О послѣдствіяхъ этого письма ничего неизвѣстно. Неизвѣстно даже дошло ли оно до папы.

Остановившись на пути только въ Маренго, Товянский проѣхалъ прямо въ Швейцарію и 23 ноября прибылъ въ Лозанну, откуда на другой день послалъ Мицкевичу свое письмо къ папѣ для прочтенія въ кружкахъ польскомъ и французскомъ. Онъ счелъ также нужнымъ отправить въ Парижъ доктора Гутта якобы „въ помощь“ товянщикамъ „въ ихъ трудахъ *.“ Въ Лозаннѣ Товянский оставался не долго: въ январѣ 1844 года онъ былъ уже въ Солерѣ (Soleure). Причину своего переселенія изъ Лозанны въ Солеръ онъ такъ объясняетъ въ письмѣ къ Мицкевичу отъ 27 числа того же мѣсяца **: „Я покинулъ Лозанну; тамъ ужасная нравственная

* Ibid. 128.

** Ibid. 130.

атмосфера: какъ въ Лондонѣ, истинное движеніе задержано, но въ Лондонѣ великое ложное движеніе, гигантская не христіанская жизнь; этой широкой жизни неудачно подражаютъ въ Лозаннѣ: дѣти передразниваютъ богатырей. Эта замѣна высшаго христіанскаго движенія земнымъ движеніемъ распространилась изъ источника заразы по всему міру и коснулась нашихъ славянскихъ хуторовъ. Я счелъ долгомъ своимъ представить предъ отъѣздомъ правителямъ Лозанны причины моего отъѣзда и указать имъ, какая мысль Божія лочіетъ на Швейцарію и сколько провинилась Швейцарія предъ Богомъ. Иная атмосфера въ Солерѣ: жизнь не широкая, но за то христіанская; всеобщая симпатія къ намъ; мы—какъ дома.“

Около этого времени Товяскій „почувствовалъ“, какъ выражается, „обязанность *сильнѣе подѣйствовать на Россію*“. Онъ написалъ по-польски всеподданнѣйшее прошеніе императору Николаю I; Мицкевичъ переводилъ на французскій языкъ и совѣтовался съ Товяскимъ насчетъ перевода нѣкоторыхъ выраженій; Товяскій дѣлалъ замѣчанія и объясненія и предлагалъ свой переводъ, но выражался неправильно и непонятно по-французски; Мицкевичъ возражалъ и исправлялъ; наконецъ сообща они составили окончательную редакцію прошенія, которое было подано въ Русское посольство въ Парижѣ 15 августа. Интересны объясненія Товяскаго по этому поводу. 18 іюля онъ писалъ Мицкевичу: „Домыслъ израильскій духъ его (императора Николая) былъ не затронуть. Никто еще не говорилъ его духу. Онъ бьетъ такимъ полнымъ тономъ, какъ никто изъ государей, и локорится только нашему полному тону, и вѣроятно удастся намъ привлечь его къ нашему дѣлу“. А обращаясь къ Мицкевичу, онъ говоритъ: „Ты знаешь духъ русскій, ты съ нимъ много разъ сталкивался; если почувствуешь необходимость въ измѣненіи формы для облегченія пониманія, прошу тебя, измѣняй. Въ Россіи много зависитъ отъ формы“. Позже онъ писалъ: „Я служилъ вѣрно Россіи. Былъ чистъ предъ Богомъ. Богъ призвалъ меня на Свою службу. Всевышняя воля была для меня всѣмъ. Я избралъ новый луть, потому что на прежнее не былъ бы чистъ предъ Богомъ... Благо чело-вѣчества и вмѣстѣ благо Россіи заключается въ прогрессѣ, въ исполненіи заповѣди данной въ словѣ Божіемъ. На

этомъ пути сила и счастье Россіи необходимы для исполненія на землѣ слова Божія. Заслуга Россіи предъ Богомъ и предъ людьми вѣрными Богу состоитъ въ неотрицаніи простоты духа. Богъ желаетъ правдиваго союза между вѣтвями единаго древа Божія: въ этомъ союзѣ, стремящемся къ исполненію общихъ для всего племени мыслей Божіихъ, заключается прочное величіе и сила народа. Прошлое, взаимные счеты и обиды заловѣдуемаго братства будетъ судить Богъ, а человекъ, который не есть судья брата своего, долженъ показать вѣждому домыслъ любовь, братскую искренность и взаимную помощь для взаимной пользы. На служеніе этому дѣлу заловѣданному словомъ Божиимъ я принесъ присягу Богу предъ человекомъ котораго Богъ назначилъ видимымъ органомъ своего слова. Я не призываю къ братскому союзу съ Австріей и на новомъ пути желаю усердіе и вѣрнѣе служить Россіи. Богъ видитъ мой намѣренія; Онъ знаетъ что въ глубинѣ души моей я желаю добра Россіи по мысли Божіей. Русское правительство отдастъ отчетъ Богу въ употребленіи чистѣйшихъ жертвъ многихъ изъ моихъ братьевъ, воодушевленныхъ тѣмъ же духомъ по вѣрнію Божію. Оно узнаетъ братскую чистоту, если не на землѣ, то тамъ гдѣ земные интересы не будутъ мутить симпатій духа между отраслями единаго племени Божія.“

Эти же самыя мысли, и даже нѣкоторыя выраженія, повторены въ прошеніи на имя императора Николая *. Въ этомъ обширномъ документѣ, составленномъ въ обычныхъ Товянскомъ туманныхъ выраженіяхъ, изъ его неясной доктрины выдѣляются двѣ свѣтлыя мысли: одна о всемірно-историческомъ призваніи Россіи, какъ державы славянской, и другая о величіи характера императора Николая.

Объясняя что призванный служить Богу не можетъ служить государю, податель прошенія (графъ Северинъ Пильховскій) говоритъ: „Я услышалъ слово Божіе. Нынѣ оно развивается, реализуется. Я видѣлъ человека назначеннаго быть органомъ слова (т.-е. Товянскаго). Лучъ правды пора-

* Желая какъ можно ближе и помнятѣе передать мысли Товянскаго, мы постоянно оличали польскій и французскій тексты; первый напечатанъ въ I т., стр. 180 — 183, а второй во II т., стр. 222—229.

зилъ меня своею силой. Я помялъ этотъ божественный призывъ и посвящалъ себя службѣ наивысшей“...

Переходя къ изложенію „предназначенія Славянъ“, онь восклицаетъ: „Никто на землѣ, смѣю это утверждать, не можетъ такъ интересоваться познаніемъ воли Божіей, какъ ты, великій монархъ!“

Воля Божія въ теченіе восемнадцати вѣковъ, по его выраженію, „была предметомъ размышленія, а не исполненія на землѣ,— слово было только теоріей безъ практики“, но настала времена когда она должна быть осуществлена въ жизни частной и общественной.

„Россія сохранила донынѣ первичную простоту своей души, и мысль Божія лочіетъ на ней; только реализаціей этой мысли Россія, вѣрная Господу, можетъ стать могущественною и счастливою въ грядущіе дни Господни. Вѣковое предназначеніе этого великаго народа—въ рукахъ Его.

„Все народы славянскаго племени одарены Божіимъ сокровищемъ простоты, и искра Христова, угасшая или затмившаяся на землѣ, хранится только у Славянъ. Это—единственное племя на землѣ характеръ котораго составляетъ душевная теплота, эта искра Христова; проистекающее изъ этого характера его предназначеніе велико. Тогда какъ иныя племена, болѣе развитыя и болѣе свободныя, идутъ впередъ и освѣщаютъ путь успѣха, славянскому племени, этому центру воинства Господня, вѣрено знамя Христово, и знамя это несомое народомъ избраннымъ Богомъ должно современемъ развѣваться на всемъ земномъ шарѣ.

„Но этотъ зародышъ славянской души не имѣлъ до сихъ поръ своей собственной жизни, не могъ обнаружиться, или, если проявлялъ какую-нибудь жизнь, проявленіе это было во вредъ его жизненному началу. Все что только на землѣ славянской возвышалось надъ народомъ, столь великимъ своею простотой, теряло, возвышаясь, эту народную простоту, дозволяло искажаться первичной природѣ искры Божіей. Часто даже преслѣдовали эту искру въ тѣхъ которые ее сохраняли, чтобъ угасить ее повсюду; ибо простые люди, истинные Славяне, были живымъ укоромъ среди выродившагося общества, и богатство ихъ душъ валомивало обнищавшимъ душамъ ихъ грѣхъ, источникъ ихъ нравственной гибели.

Глубина души славянской оставалась всегда христіанскою; но жизнь, дѣянія Славянъ были языческія.

„Но Богъ слышалъ воли Славянъ... Слово, которое слова дадо себя слышать, призываетъ славянскіе народы къ ихъ обязанностямъ. Всѣ вѣтви славянскаго древа должны расположиться и развиваться по первичной мысли Божіей. Всѣ славянскіе народы должны начать свою великую жизнь, а эта жизнь должна быть развитіемъ драгоценнаго ихъ зародыша, должна быть только жизнью слова, реализаціей слова. Корни этого древа Божія не идутъ изъ земли, и только вопреки волѣ Божіей это древо выросло, черпая свою силу изъ земли. Этотъ народъ, избранныкъ слова, не будетъ уже жить способомъ противнымъ своей природѣ, своему назначенію.

„Вѣтви славянскаго древа выросшія изъ одного ствола жили каждая особою жизнью, часто враждебною основанію ихъ великаго организма; онѣ не могли имѣть той силы достигъ которой призваны; не могли принести плодовъ которыхъ Богъ ожидалъ отъ нихъ. Уже прошлое Славянъ, обремененное взаимными обидами этихъ народовъ, предстало предъ Богомъ. Воспоминаніе о нихъ изглаживается на землѣ и должно исчезнуть изъ нашихъ душъ. Брать не можетъ судить брата. Пришло время когда всѣ они, слитые въ одно чувство любви какой еще не бывало ни въ понятіяхъ людей, ни въ жизни, должны соединить свои усилія въ одномъ великомъ и общемъ интересѣ, для достиженія цѣли какую Богъ назначаетъ имъ отнынѣ.

„Каждому народу, какъ и каждому человѣку, предопредѣлено поприще его дѣятельности. Кто идетъ добровольно, кто останавливается на своемъ пути, того Богъ посылаетъ впередъ. Это насильственное движеніе есть единственный источникъ бѣдствій человѣческихъ, единственная причина его рабства. Поляки остановились и были насильственно двинуты впередъ, а когда они въ этомъ движеніи снова уклонялись отъ пути предписаннаго Богомъ, Богъ, не переставая ихъ карать, допустилъ побѣду братняго оружія, дабы забудшія дѣти Его потерпѣли болѣе подъ давленіемъ руки собратевныхъ братьевъ. Возстанія не удалась Полакамъ, они обратились противъ нихъ же самихъ...

„Человѣчество въ своемъ движеніи впередъ встрѣчало препятствія и уклонялось отъ пути предначертаннаго Богомъ; отъ этого пути уклонился и Наполеонтъ, носитель мысли

Божіей, и былъ побѣжденъ; но воля Божія совершилась: идея союза религіи съ политикою созрѣла на землѣ. Миссія Наполеона не прекратилась съ его смертію: духъ его продолжаетъ дѣйствовать на землѣ. Новое поприще открылось для слова. Новое орудіе слова—императоръ Николай.“

Къ нему обращается Товянскій устами Пильховскаго со слѣдующимъ воззваніемъ:

„Душа твоя, государь, велика. Великая душа не создается въ краткомъ пространствѣ одной жизни, она только развивается. Твоя душа въ великихъ дѣяніяхъ тобою совершенныхъ еще не развилась; она еще не жила полною жизнью, она еще не вкусила вполнѣ этого счастья. Только на пути нынѣ открытомъ Богомъ человѣку полная твоя жизнь, полное твое счастье. Тебѣ, государь, вѣрною спасеніе миллионѣвъ людей. Предводительствуя столькими славянскими народами, подчиненными твоему скипетру, ты въ настоящее время—величайшее орудіе Бога на землѣ. Если ты, государь, услышишь призывъ Божій, твои подданные, вѣрные Богу, посвящая себя мысли Божіей въ тебя вложеной, посвятятъ себя твоему величію, твоему счастью.“

„Этими новыми чувствами славянскими, чувствами преданности Богу и искренней любви къ братьямъ нашимъ Русскимъ и къ особѣ вашего величества уже прониклись нѣкоторые люди, а именно тѣ изъ польскихъ эмигрантовъ которые привяли слово Божіе. Приготовленные долгими несчастіями, они первые были призваны къ принятію слова и къ передачѣ его своимъ братьямъ. Таковы они теперь, таковыми будутъ миллионы вскорѣ...“

Прошеніе оканчивается воззваніемъ къ императору не пренебрегать жертвой „новаго славянскаго характера“, присосимую Поляками для блага человечества, братскаго народа и самого государя.

Это страшное прошеніе было задержано посольствомъ нашимъ въ Парижѣ, и потому графъ Пильховскій рѣшился ѣхать въ Россію въ качествѣ „посла дѣла Божія“. По дорогѣ онъ долженъ былъ заѣхать къ Товянскому за благословеніемъ и инструкціями.

Хваленый Солеръ подъ конецъ измѣнилъ Товянскому. „Послѣ долгой погоды наступила въ концѣ августа буря“, какъ пишетъ онъ Мицкевичу. „Сердца чиновниковъ отвернулись отъ него, и ему было приказано ѣхать“; но по болѣзни

жены его Каролины было дозволено ему остаться въ Солерѣ до 15 октября. Когда же въ назначенный день Товяньскій сталъ собираться въ дорогу, всеобщее сочувствіе къ нему смягчило начальство, и ему было частнымъ образомъ сообщено что онъ можетъ спокойно жить въ Солерѣ, подѣ условіемъ обратиться съ просьбой объ этомъ въ правительственный совѣтъ. И Товяньскій просилъ совѣтъ о четырехмѣсячной отсрочкѣ выѣзда, но получилъ отказъ и долженъ былъ выѣхать изъ Солера.

Предъ отъѣздомъ, 6го ноября, онъ обратился съ посланіемъ къ базельскому епископу, къ членамъ малаго совѣта Солерскаго кантона, префектуры и муниципалитѣта города Солера. Оно начинается словами: „Правительство Солерскаго кантона воспретило мнѣ пребываніе въ Солерѣ. Повинуясь властямъ, покидаю Солеръ.“ Онъ благодаритъ за гостепріимство и проситъ только дозволить его семейству пребыть еще нѣсколько дней въ этомъ городѣ. Покидая Швейцарію, онъ считаетъ долгомъ своимъ сказать нѣсколько словъ братьямъ Швейцарцамъ.

„Въ эти великіе дни возрожденія человѣчества“, говоритъ онъ, „человѣкъ долженъ вступить въ новую эпоху которую слово Божіе предназначило ему искони; онъ долженъ получить болѣе обширный свѣтъ слова; долженъ подняться на самую высокую ступень своего успѣха, своего шествія къ Богу.

„Послѣ вѣковыхъ уклоненій, Богъ призываетъ человѣка на путь предначертанный для него воплощеннымъ Словомъ, Онъ призываетъ его къ исполненію слова, Своей воли отвергнутой и пренебреженной.

„Швейцарцы, преисполненные милостей Божіихъ, должны быть послушны этому призыву Бога. Предохраненные отъ горестей и бѣдствій которыя пробуждаютъ другіе народы и толкаютъ ихъ впередъ по пути прогресса, они должны сами пробудиться и идти впередъ изъ любви своей къ Богу, къ прогрессу. Слово требуетъ отъ Швейцарцевъ болѣе жизни внутренней, болѣе чувства, болѣе любви, болѣе подражанія Христу въ самоотверженіи; но Швейцарецъ не возбуждаемый извнѣ неподвиженъ. Усыпленный довольствомъ и счастьемъ, онъ постоянно отвергаетъ призывъ который дѣлаетъ ему Богъ къ жизни внутренней, къ свободѣ внутренней; онъ погребаетъ свой умъ въ землѣ и въ этой смерти отказыв-

вается отъ драгоценнаго зародыша который таится въ немъ.“

Товянскій грозитъ Швейцарцамъ бѣдствіями и рабствомъ, если они не послушаются призыва Божія. Тяжкая отвѣтственность, по его словамъ, лежитъ на Швейцарцахъ за изгнаніе невиннаго Товянскаго, добровольно обрекшаго себя на изгнаніе изъ отечества.

Когда именно Товянскій выѣхалъ изъ Солера неизвѣстно; въ началѣ ноября онъ былъ еще тамъ, а въ первыхъ числахъ марта 1845 года находимъ его въ Рихтерсвилѣ. Мы знаемъ только что въ ноябрѣ онъ собирался уѣхать изъ Солера и что Мицкевичъ предполагалъ съ нимъ встрѣтиться въ Келѣ (Kehl) или Брюсселѣ; но изъ напечатанной ихъ переписки не видно когда онъ уѣхалъ изъ Солера и гдѣ находился до марта 1845 года.

Изъ Рихтерсвила Товянскій уѣзжалъ на короткое время въ мартѣ мѣсяцѣ въ Эйнзидельнъ, гдѣ видѣлся съ Пильховскимъ и далъ ему инструкціи для миссіи въ Россію. Изъ Эйнзидельна же онъ послалъ наставленія парижскому кружку о томъ какъ готовиться къ пріятію св. причащенія. Въ началѣ апрѣля Товянскій снова былъ въ Рихтерсвилѣ, гдѣ получилъ извѣстіе отъ Мицкевича что Пильховскій не только не уѣзжалъ еще въ Россію, но что даже посольство наше въ Парижѣ не отправляло еще его бумагъ въ Петербургъ, „собирая пока нужныя свѣдѣнія“.

Въ іюлѣ Товянскаго посѣтилъ Мицкевичъ, который по возвращеніи въ Парижъ нашелъ большія перемѣны въ кружкѣ товянцевъ. Между ними образовалась партія враждебная Мицкевичу, и во главѣ ея былъ именно Северинъ Пильховскій. „Позавчера былъ у меня Северинъ въ самомъ дурномъ настроеніи,“ писалъ Мицкевичъ Товянскому 27 іюля. „Холодный, скрытный, онъ искалъ меня разными способами. Показывалъ небывалое сочувствіе ко мнѣ, говорилъ что я человекъ міровой, а на дѣлѣ хотѣлъ взбунтовать меня противъ тебя, можетъ-быть безсознательно. Между прочимъ онъ говорилъ что кто чисто вошелъ въ кружокъ, тотъ можетъ чисто выйти, что твоего письма не понимаетъ. Спрашивалъ въ шутку ли ты называешь его *паномъ*, или же въ самомъ дѣлѣ признаешь его своимъ *паномъ*. Говорилъ что сомнѣнія которыя имѣлъ прежде о нашемъ дѣлѣ теперь вернулись, что его вѣра въ тебя поколебалась, что твой тонъ

съ нимъ былъ несоответственный, что ты не поступилъ съ нимъ такъ какъ онъ съ Каменскимъ.... Словомъ, я видѣлъ его въ полномъ бунтѣ; онъ замышляетъ только лаять какъ-бы выйти съ честью. Вчера было съ нимъ нѣсколько лучше, но вижу что, исправившись на минуту, онъ становится потомъ гораздо хуже. Говорилъ что *весь кружокъ долженъ вслѣдъ за нимъ ѣхать въ Россію*, что онъ издастъ прокламацію; о Франціи и братьяхъ Французахъ говорилъ съ презрѣніемъ.“

Пильховскій не хотѣлъ ужъ ѣхать въ Швейцарію и признавался что чувствуетъ сильное раздраженіе противъ Товякского. Онъ помышлялъ только объ одномъ—какъ бы покинуть эмиграцію.

О дальнѣйшей дѣятельности Пильховскаго можно получить понятіе изъ письма Мицкевича, отъ 27 августа 1846 года, въ редакцію газеты *Demokrata Polski*.

„Северинъ Пильховскій, который уже давно прервалъ всякія официальныя со мною сношенія, пишетъ Мицкевичъ, явился нѣсколько дней тому назадъ въ мою квартиру и представилъ копію своихъ писемъ къ брату вождю (К. Ружицкому) оставленныхъ безъ отвѣта. Онъ спрашивалъ моего мнѣнія на счетъ этихъ писемъ.

„Изъ нихъ я узналъ что Северинъ Пильховскій намѣренъ предаться Русскому правительству чрезъ посредство русскаго посольства, полагая что онъ поступаетъ такъ въ духѣ дѣла Божія, для служенія польскому народу.

„Я отвѣчалъ что намѣреніе Пильховскаго считаю противнымъ народному чувству и неприязненнымъ дѣлу Божію, что способъ которымъ онъ намѣренъ привести въ исполненіе это намѣреніе не чистъ, потому что бросаетъ тѣнь на дѣло Божіе и саугъ его, съ которыми онъ уже давно прервалъ сношенія.

„Я пригласилъ его переговорить объ этомъ со мною. * Чрезъ нѣсколько дней онъ былъ у меня и устно объявилъ что предается Россіи и готовъ перейти изъ лона католической церкви въ греческую схизму.

„Припоминаніемъ подробностей этого разговора или его повтореніемъ не могу марать себя и земляковъ.

* Письмо Мицкевича къ Пильховскому отъ 14го августа 1846 года.

„Еще разъ я пригласилъ Пильховскаго обдумать свое намѣреніе, и онъ мнѣ обѣщалъ это. Теперь новымъ письмомъ онъ подтверждаетъ что окончательно рѣшился привести въ исполненіе свое намѣреніе.

„Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ Святопоакъ - Мирскій призывалъ польскую эмиграцію къ религиозному и политическому отступничеству, мы тогда же официально и публично осудили его поступокъ.

„Это осужденіе наше отступниковъ распространяется въ полной силѣ на всѣхъ которые стали или станутъ подъ его знаменемъ.

„Я увѣренъ что этими словами выражаю чувства всѣхъ братьевъ, слугъ дѣла Божія, и всѣхъ земляковъ - эмигрантовъ, на какой бы дорогѣ они ни служили дѣлу польскаго народа.“

Три года (1845—1848) Товяскій прожилъ въ Швейцаріи, перѣзжая изъ одного города въ другой во избѣжаніе преслѣдованій со стороны полиціи: въ іюль 1845 года онъ былъ въ Базель, въ концѣ августа въ Кель, въ началѣ сентября въ Лозаннѣ, а въ концѣ этого мѣсяца въ Эфинзидельнѣ; въ послѣднихъ числахъ октября находимъ его въ Цюрихѣ, откуда въ ноябрѣ вернулся въ Базель; но здѣсь онъ не могъ долго оставаться, и снова долженъ былъ пуститься въ странствіе по Швейцаріи: съ декабря 1845 по начало іюня 1846 года онъ жилъ въ Цюрихѣ, а потомъ, до 1го мая 1847 года, въ Рихтерсвилѣ, откуда на короткое время, въ половинѣ іюня 1846 года, ѣздилъ въ Базель; съ 1го мая 1847 по мартъ 1848 года онъ прожилъ въ Цюрихѣ; въ мартѣ 1848 года находимъ его въ Бивингенѣ, а въ августѣ уже въ Парижѣ.

Отмѣтимъ нѣкоторые факты изъ дѣятельности Товяскаго за это время.

Особенно было важно посѣщеніе Товяскаго Ружицкимъ. На собраніи „братьевъ“ Французовъ и Поляковъ въ Цюрихѣ 29 октября, Товяскій говорилъ о „союзѣ“ этихъ двухъ народовъ для жизни одною жизнью слова Божія и пожаловалъ Ружицкаго въ „вожди“ парижскаго кружка, въ помощники Мицкевича. Введеніе Ружицкаго въ эту должность должно было происходить въ Парижѣ торжественно, по приказанію Товяскаго: „собраніе братьевъ на которомъ братъ Карлъ займетъ свою должность есть эпоха въ дѣлѣ Божи-

емъ, есть изведеііе дѣла Божія на земаю“, писалъ Товянский Мицкевичу. Этому собранію должны предшествовать „реколлекція“ и молитва въ костелѣ Св. Северина; а на собраніи Ружицкій долженъ занять мѣсто „подъ хоругвию дѣла Божія“, по лѣвую сторону Мицкевича, и прочесть братьямъ написанную для него *Бесѣду*. Это торжественное собраніе кружка товянцевъ происходило 30 ноября, а наканунѣ, въ день годовщины польскаго возстанія, „братья“ вмѣстѣ съ эмигрантами были въ костелѣ Св. Рока.

Ружицкій привезъ съ собою письмо Товянскаго къ Мицкевичу и посланіе его къ кружку. Товянский укоряетъ Мицкевича въ упадкѣ духа и возбуждаетъ его къ новой энергической дѣятельности; восхваляетъ Ружицкаго и польскій народъ, „принявшій зерно Христова духомъ своимъ, а не землей своею, благословенный Христомъ, стоящій на чистой христіанской почвѣ“. Къ посланію приложена сочиненная Товянскимъ молитва, называемая имъ свѣтѣйшею, правдивою, величайшею. Это—пародія на Молитву Господню: Товянский обращается къ Богу Отцу съ благодарностью за то что Онъ открылъ ему волю Свою, просвѣтилъ его и укрѣпилъ его „силою духа и любви“; проситъ „указать ему путь спасенія его и вѣрнѣшаго ему народа“; о томъ же онъ проситъ Богородицу, „воеводу дѣла святаго имени Господняго,“ „Пресвятую Опекушку земли“. Эта молитва, по своему тону и содержанию, напоминаетъ извѣстный монологъ Конрада въ *Дядягъ* Мицкевича.

Для Ружицкаго Товянский написалъ вторую свою *Бесѣду*, напечатанную въ Парижѣ Мицкевичемъ въ январѣ 1846 года подъ заглавіемъ „*Besiada z bratem Karolem*“. Неизвѣстно былъ ли изданъ одновременно съ подлинникомъ французскій переводъ, какъ того желалъ Товянский.

Бесѣда съ братомъ Карломъ помѣчена горой Эзелъ въ кантонѣ Швицъ 1го октября 1845 года. Привыкшій разчитывать на эффекты, Товянский выбралъ мѣстомъ написанія *Бесѣды* гору Эзелъ по слѣдующей причинѣ, имъ самимъ объясненной: „На этомъ святомъ мѣстѣ, гдѣ за десять вѣковъ предъ симъ положено чистое основаніе христіанства великимъ мужемъ для великихъ жертвъ Богу, Св. Мейнардомъ, отдаю честь исповѣнной въ тебѣ (Ружицкомъ) мысли Божіей,—чистой жертвѣ духа, чистой основѣ твоей, братъ мой!... Во имя Божіе соединяю тебя со Св. Мейнардомъ....“

Беспѣда начинается словами: „Братъ Карлъ! Настало время, пробилъ для тебя часъ смотра Господняго (przeglądu Pańskiego). Благодаря милосердію Божию, ты исполнилъ что было потребно для полноты мысли Божіей въ тебѣ, а предъ мной открылась звѣзда твоя дотола видимая въ тѣни.“ Далѣе Товянской называетъ Ружицкаго „воиномъ лодъ знаменемъ слова Божія“, говоритъ что „взявъ слова Божія возкосится, Христосъ торжествуетъ“, что „на пути воли Божіей въ словѣ Божіемъ чернымъ крестъ снимается съ земли, а подается бѣлый крестъ духа, жертвы духа...“ что „съ тропинокъ христіанскихъ оныхъ (Ружицкіи) вступилъ на путь лоднаго христіанства, легко и скоро ведущій ко Господу легионовъ“, что „по этому пути ему (Ружицкому) предназначено вести народъ польскій...“ Товянской взываетъ къ Ружицкому, чтобы со знаменемъ Христовымъ оныи прошелъ по всей землѣ на триумфъ Христа, чтобы „оныи соорудилъ святиню Бога“ и возвыщаетъ что „Богъ услышалъ вѣковыя моленія челоуѣка“, что отныиъ будетъ исполняться воля Его, что отныиъ водворятся на землѣ правда, справедливость, братство и свобода духа и челоуѣка. Въ этомъ родѣ продолжается воззваніе къ Ружицкому. Трудно уловить какую-нибудь связь между отрывочными выраженіями, которыя были вполнѣ чужды и самому Товянскому: среди этого хаоса всякой бессмыслицы встрѣчаемъ упоминанія о Наполеонѣ I, „богатырѣ живаго слова Божія“, о прогрессѣ челоуѣчества, объ отечествѣ,—слова выхваченныя изъ *Дядюшекъ* и вычѣмъ не связанныя ни между собою, ни съ предыдущимъ и послѣдующимъ (miłość Ludów, Lnd Ludów, Trud Trudów). Потомъ говорится о двухъ великихъ мужахъ Польши, лѣвцѣ (Мицкевичѣ) и вождѣ (Ружицкомѣ), которые должны дѣйствовать согласно и по одному пути вести Поляковъ—неизвѣстно куда и зачѣмъ.

Беспѣда оканчивается обращеніемъ ко Христу и къ великимъ дугамъ, диктовавшимъ ее—эту бессмысленную *Беспѣду*.

Подъ ней подписи: Андрея Товянскаго, написавшаго ее „въ общеніи нашихъ душъ“, и Карла Ружицкаго, „сообщающаго ее съ Божією помощію всемъ братьямъ доброй воли.“

Это было первое произведеніе Товянскаго напечатанное и распространенное съ его согласія и по его желанію. Послѣ неудачи съ генераломъ Скржинецкимъ оныи былъ остороженъ, и только послѣ долгаго испытанія написалъ вторую *Беспѣду* для Ружицкаго.

1846 годъ Товянскій провель сначала въ Цюрихъ (до юля), потомъ въ Базель (до августа) и наконецъ въ Рихтерсвилъ. Попржему онъ переписывался съ парижскимъ кружкомъ своихъ посадователей, поддерживая въ нихъ вѣру въ лучшее будущее и проповѣдуя союзъ Поляковъ съ Французами и Англичанами. „Англія, говорилъ онъ собравшимся у него 17 марта братьямъ, по низкому, Франція по нервному тону могутъ наводнить землю и возстановить Польшу. Англія способна пролить кровь за Польшу...“ Отношенія польской эмиграціи къ Французамъ Товянскій такъ изображаетъ въ письмѣ къ Мицкевичу изъ Базеля отъ 23 юля: „Что бы ни дѣлалось во Франціи, братья не должны возбуждать къ дѣлу и начинать дѣло: этого Богъ ожидаетъ исключительно отъ Французовъ. Инаго ожидаетъ Богъ отъ тѣхъ кого назначилъ своимъ орудіемъ для Француза: польскіе эмигранты, іереи живаго слова Божія, въ полнотѣ своей жертвы христіанской должны видѣть, чувствовать и носить въ себѣ мысль Божію, почующую на Франціи... Они представляютъ самимъ Французамъ дѣйствовать, и въ каждое мгновение и на каждомъ пунктѣ показываютъ какимъ долженъ быть Французъ, по подобію Господа, который, показавъ какимъ долженъ быть человекъ, за человекъ не дѣйствуетъ.“ Короче, польскіе эмигранты должны быть учителями и наставниками Французовъ, а Французы — ихъ послушными учениками; польскіе эмигранты должны проповѣдывать, а Французы дѣйствовать. Польша, говоритъ Товянскій въ другомъ посланіи къ Г., можетъ быть спасена только эмиграціей, а родъ человѣческой будетъ спасенъ только Польшей. Въ этомъ дѣлѣ спасенія человечества будетъ участвовать также Литва — родина Товянскаго и Мицкевича: „Литва угнетенная, безъ торговли, безъ ремеселъ, безъ изобрѣтеній (wypalazków), нищаетъ, ничему не отдаетъ души: отсюда простота безъ жизни и чистоты, отсюда сердце свободное къ воспріятію зерна Божія. Иные народы горды торговлей, богатствами, но имѣютъ душу занятую.“

Замѣчательнѣйшимъ событіемъ въ жизни Товянскаго въ теченіе 1846 года было собраніе братьевъ въ Рихтерсвилѣ 10 октября. Собраніе это происходило въ полночь на горѣ Эзелъ „въ память *Бесподы* съ братомъ вождемъ дѣла Божія, происходившей на томъ же самомъ мѣстѣ ровно годъ тому назадъ.“ Сначала было принесено „благодараніе Господу легі-

оновъ за милосердіе оказанное назначеніемъ Карла Ружицкаго вождемъ святаго дѣла и призваніемъ его къ распространенію на землѣ царства Христова, къ пробужденію жизни слова Божія на путяхъ человѣка частныхъ и публичныхъ, къ сооруженію этою жизнью святилища Бога Живаго, къ спасенію этою жизнью Польши и человечества отъ бѣдствій, отъ неводи духа и земли“; потомъ „учитель“ Товянскій приступилъ „къ исполненію службы сестрѣ Целинѣ (Мицкевичъ)“, прибывшей изъ Парижа по порученію мужа. Эту службу онъ началъ чтеніемъ воззванія къ парижскому кружку, воззванія въ которомъ онъ восхваляетъ Целину Мицкевичъ за то что она всецѣло и самоотверженно посвятила себя на служеніе мужу своему въ дѣлѣ Божіемъ; потомъ онъ оказалъ дивнѣйшую мистическую рѣчь, въ которой говорилъ о призваніи Поляковъ спасти родъ человѣчскій.

1847 годъ не богатъ событіями въ исторіи товянизма. Товянскій продолжалъ жить въ Рихтерсвилѣ, откуда весной намѣревался ѣхать куда-нибудь на воды, по болѣзни; но этого намѣренія кажется не исполнилъ потому что съ 1 мая находимъ его въ Цюрихѣ. Отсюда въ письмѣ къ Мицкевичу Товянскій припоминалъ ему о службѣ его на пользу товянизма: „Ты первый возвѣстилъ Польшѣ дѣло Божіе и слугу Божія. Нѣчто чрезвычайное и удивительное видѣла въ тебѣ Польша: это былъ первый лучъ новой эпохи, исходящій отъ пророка Польши; и, признавая и любя въ тебѣ этотъ лучъ Божій, Польша готовилась къ принятію солнца высшей эпохи слова Божія. Въ теченіи времени ты возбуждалъ вдохновеннымъ словомъ польскихъ эмигрантовъ, возвѣщая имъ приближающуюся эпоху и слугу ея, а увидѣвъ предъ собою этого слугу, ты не поколебался признать въ немъ волю Божію и покориться этой волѣ Божіей.“

Въ началѣ марта Станиславъ Ружицкій, кажется вмѣстѣ съ Карломъ, собирался выѣхать изъ Парижа къ Товянскому; а 7 іюля отправился къ нему генералъ Гедройцъ съ женой и помѣшаннымъ сыномъ. Мицкевичъ надѣялся что Товянскій его излѣчитъ при содѣйствіи находившагося при немъ доктора Гутта. 27 сентября Товянскій съ бывшими при немъ братьями праздновалъ седьмую годовщину „возвѣщенія дѣла Божія на землѣ“, и сказалъ по этому случаю коротенькое слово, въ которомъ увѣщевалъ своихъ послѣдователей „подтвердить дѣломъ, жизнью практическою,

частною и публичною, слово Божіе, бывшее до тѣхъ поръ въ ихъ духѣ, и сдѣлать слово мертвое живымъ на землѣ“.

Это воззваніе къ практической дѣятельности составляетъ эпоху въ исторіи товьянизма. Такимъ же практическимъ духомъ проникнуто и письмо Товянского къ какой-то сестрѣ, въ которомъ онъ говоритъ объ эманципаціи женщины, объ ея равноправности съ мужчиной.

Такой поворотъ въ направленіи Товянского произошелъ по вліянію Мицкевича, которымъ только и держался кружокъ товьянцевъ. Положеніе этого кружка становилось съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Онъ окончательно потерялъ подъ собою почву, разорвалъ всякую связь съ міромъ и обществомъ, очутился въ какомъ-то пустомъ пространствѣ безо всякаго содержанія, безо всякой жизни. Долгія выжиданія какого-то чуда, какого-то міроваго переворота общаго Товянскимъ, привели къ разочарованію, къ уtratѣ вѣры въ него и въ его миссію, къ сознанію необходимости выйти изъ невыносимаго положенія чрезъ сближеніе съ людьми живыми и дѣйствующими. На такую утрату вѣры не только въ Товянского, но и во все будущее, на бессодержательность жизни кружка, на его замкнутость, на сознаніе собственного ничтожества, на внутреннія терзанія и вообще на траги-комическое его положеніе, Мицкевичъ жадуется въ письмѣ къ Товянскому отъ 12 мая; а въ рѣчахъ, которыя онъ часто произносилъ въ этомъ году на собраніяхъ кружка, указывается на необходимость возвращенія къ дѣйствительной жизни, сближенія съ эмиграціей „даже путями земными“, пропагандированія между Французами польскихъ революціонныхъ идей. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей имѣютъ для насъ особый интересъ, такъ какъ въ нихъ Мицкевичъ касается иногда соціально-политическихъ вопросовъ и отношеній Польши къ Россіи и Славянству. Приведемъ нѣсколько выдержекъ.

„Прошли вѣка“, говорилъ Мицкевичъ на собраніи кружка 27 февраля, „и честнымъ человѣкомъ стали пренебрегать, стали его имитировать... Польша, несмотря на свои недостатки, отличилась честнымъ характеромъ и потому была растерзана (rozszargana). Сами Москалы говорятъ о Полякахъ что это народъ честный, но безмозглый“... Правды Христовой, по словамъ Мицкевича, нѣтъ ни въ Польшѣ, ни въ Россіи. Польша будетъ возстановлена только путемъ правды Христо-

вой, при помощи Франціи, которую Поляки полюбили какъ собственное отечество и за которую готовы положить жизнь и душу. „Мы съ Россіей ничего не сдѣлаемъ говоря ей о славянствѣ, о любви, о славтіи Славянъ; нужно Русскимъ показать что нынѣ въ Польшѣ тонъ болѣе чистый и болѣе высокій чѣмъ въ Россіи.“ Русскій народъ слишкомъ привязанъ къ своей вѣрѣ и мало занимается политикой. Онъ думаетъ только о *политъ*, да о бракѣ; новыхъ политическихъ институтѣй онъ не сумѣетъ дать себѣ: для этого нужна помощь Поляковъ. Но не только Русскимъ, а также Французамъ, они должны показать новую дорогу...

Для пробужденія кружка къ новой усиленной дѣятельности необходимо участіе *женщины*. О положеніи женщины въ древнемъ и новомъ мірѣ Мицкевичъ рассуждалъ такъ. Женщина израильская была въ порабощеніи у мушцины. Даже въ синагогѣ было назначено ей отдѣльное мѣсто въ сторонѣ отъ него. „Христосъ проповѣдывалъ свободу женщины, ходилъ окруженный женщинами, что было прежде не видало и не слышано въ Израилѣ, бесѣдовалъ съ Самарянокой у колодца и далъ ей слово къ Самаріи... Св. Павелъ нѣсколько подыялъ значеніе ветхозавѣтной женщины, но, руководясь постоянно идеей администраторскою, не смѣлъ дать ей всѣхъ льготъ. Еще не настало для того время. Вѣдь нужно знать что не все что писали апостолы происходило отъ Духа Божія; Божіе только то что сказалъ Христосъ. Учитель (Товянскій) говорилъ что Св. Павелъ много претерпѣлъ за то что часто падалъ и, проповѣдуя ложныя идеи о власти, о женщинахъ, далъ ложное направленіе людямъ. Позже женщина начала неправымъ способомъ добиваться свободы; въ нѣкоторыхъ сектахъ она исполняетъ даже обязанности священника, но нигдѣ еще не приобрѣла своего настоящаго положенія...“

Неволя женщины, по словамъ Мицкевича, находится въ связи съ гоненіемъ на дары Божіи въ (католической) церкви. „Тотъ только можетъ оцѣнить и поддержать даръ пророчества кто самъ имъ обладаетъ; тотъ только можетъ признать высшее призваніе женщины кто понимаетъ его важность въ обществѣ. Что же нынѣ считается самымъ высшимъ въ женщинахъ? Ее хвалятъ за то что она хорошая управительница, лордочная хозяйка. И такія качества восхваляютъ только люди чистые, богобоязненные; ибо матеріалисты стоятъ еще

ниже—хвалять чей физическія предести....“ Женщина должна найти подпору въ церкви, но не той которая смѣется надъ пророками и выталкиваетъ ихъ за двери. Призваніе женщины состоитъ не въ томъ чтобъ она была слугой дома. Когда Марѳа хлопотала чтобъ угостить Христа, а Магдалина, подруга всѣхъ мушницъ города, освободившая духъ свой хотя бы и этимъ неправымъ способомъ, внимала слову Божію и не хотѣла отойти отъ ногъ Іисуса, Онъ сказалъ что она избрала лучшую часть....“

Во время французской революціи, продолжалъ Мицкевичъ, женщины вдругъ вырвались на свободу. Онѣ были во главѣ движенія, онѣ первыя взяли Версаль. Ихъ прозвали чудовищами, блудницами; но позднѣйшіе историки, особенно же Мишле, представили ихъ въ иномъ свѣтѣ. Женщины, ворвавшись въ Версаль, требовали отъ короля и королевы чтобъ они по-отцовски и по-матерински объяснились съ народомъ.... Разчитывая на увлекающуюся страстную натуру женщинъ, Мицкевичъ „просилъ Бога чтобъ Онъ далъ кружку топянецъ *жрицу* (карпанкѣ).“

Въ рѣчи 9 марта Мицкевичъ говорилъ о *правѣ собственности*. „Трудно рѣшимый нынѣ вопросъ о собственности имѣлъ всегда исходною точкой и оскованіемъ землю. Такъ было въ Израилѣ. Каждая семья имѣла свою полосу земли, которую не могла продать или заложить болѣе чѣмъ на 49 лѣтъ; на пятидесятый годъ долги ликвидировались, каждый возвращался на свою землю, и невольникъ снова получалъ свободу: оттого пятидесятый годъ назывался юбилейнымъ, годомъ милости. Каждый такимъ образомъ, послѣ надѣла земель, имѣлъ обезпеченное существованіе основанное на поземельномъ владѣніи.

„Въ Римѣ земля принадлежала божеству, и только патриціи имѣли право пріобрѣтенія земли, на срокъ опредѣленный закономъ.

„Такое понятіе о раздѣленіи землевладѣнія исчезло уже во всей Европѣ; одно только славянство его сохранило. Тамъ каждый крестьянинъ имѣетъ свой участокъ земли, на которомъ сидитъ и съ котораго никто не имѣетъ права прогнать его. Въ Царствѣ Польскомъ нынѣ сталъ уже собственникомъ крестьянской земли, а крестьянину предоставилъ свободу покинуть землю и деревню. Еслибы революціонныя понятія Запада перешли къ намъ, то были бы для насъ губельны,

потому что наши папы поступили бы съ крестьяниномъ какъ англійскіе помѣщики, которые, разчитавъ что разведение овецъ приноситъ большую пользу чѣмъ содержаніе земледѣльцевъ, привудили древнихъ обитателей Шотландіи, Кельтовъ, къ переселенію въ Америку. Такъ погибъ бы и крестьянинъ польскій, славянскій.

„Во Франціи домогаются нынѣ правъ землевладѣнія; но не знаютъ какимъ образомъ можно было бы придти къ тому положенію этого вопроса въ которомъ онъ находится у Славянъ, потому что здѣсь произошла уже страшная разница въ цѣнности земли, смотря по ея отношенію къ промышленности и торговлѣ. На Западѣ развилася совершенно иная порядокъ вещей. Провидѣніе быть-можетъ ведетъ Западъ къ чему-нибудь иному, лучшему. Но чѣмъ кончится этотъ вопросъ, неизвѣстно. Пока здѣсь только хаосъ. А какое счастье имѣть готовую идею и порядокъ землевладѣнія существующій въ славянствѣ!

„Времена чреваты неожиданными политическими переворотами, но для насъ будетъ обязательно только то движеніе въ которомъ мы найдемъ наше направленіе.“

Бурный 1848 годъ вызвалъ Мицкевича и Товянскаго къ болѣе практической дѣятельности.

Посланиемъ къ ларижскому кружку изъ Билингена отъ 21 марта Товянскій возвѣстилъ что наступила пора реализаціи, что ва „жизнью духа“ слѣдуетъ „жизнь человѣка“, что настало время примѣненія къ практикѣ „свѣта эпохи высшей, христіанской“. Послѣ такихъ заявленій слѣдовало бы ожидать программы новой дѣятельности товянцевъ; но мистическій „учитель“ ограничился слѣдующими словами: „Французъ долженъ слѣшить спасать угнетенныхъ братьевъ, а Полякъ долженъ первый залагать долгъ любви христіанской брату-Французу.“

Не такихъ либеральскихъ прорицаній и совѣтовъ ожидали въ это время товянцы отъ своего „учителя“. Захваченные врасплохъ мартовскими событіями въ Парижѣ, они совершенно потеряли голову, тѣмъ болѣе что между ними не было Мицкевича, мѣсто котораго временно занялъ Феликсъ Вротловскій. Эмиграція устраивала шумныя демонстраціи, провозгласила „польскую республику“, созывала якобы народныя собранія, напомнившія бурные и безтоковые польскіе сеймы, бѣсилась, неистовствовала. Французская молодежь,

увлеченная профессорами Мишле и Кюве, громко заявляла свои симпатіи къ Полякамъ.. Была полнѣйшая анархія. *

Въ это время Мицкевичъ формировалъ въ Италіи Польскій легионъ, вопреки Товянскому. Онъ окружилъ себя, по числу аlostоловъ, двѣнадцатью эмигрантами, и вмѣстѣ съ ними издалъ въ Римѣ 29 марта основанія новой польской конституціи въ формѣ манифеста. ** Она состоитъ изъ пятнадцати параграфовъ. Наиболѣе для насъ любопытны слѣдующіе:

„5. Духъ польскій—слуга Евангелія, земля польская со своимъ обществомъ—гѣло. Польша встаетъ изъ мертвыхъ въ гѣлѣ въ которомъ была положена во гробъ сто лѣтъ тому назадъ. Польша встаетъ свободою и независимою и протягиваетъ руку Славянству.“

„10. Старшему брату Израилю почтеніе, братство, помощь на пути къ вѣчному и временному благу, равноправность политическая и гражданская.

„11. Слутницѣ жизни, женщинѣ—братство, гражданство, равноправность во всемъ.

„12. Каждому Славянину живущему въ Польшѣ братство, гражданство, полная равноправность.“

„15. Помощь политическая и семейная отъ Польши брату Чеху и родственному Чешскому племени, брату-Русу и народу Русскому. Помощь христіанская всякому народу какъ ближнему.“

Этотъ манифестъ былъ напечатанъ на италіанскомъ языкѣ подъ цензурою отца Вентуры. Польскіе ксендзы, не зная что онъ былъ разрѣшенъ духовною цензурою, писали и говорили противъ него, какъ писалъ объ этомъ Мицкевичъ Юлію Лонцкому 3го апрѣля. *** Изъ этого письма извлекаемъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій о дѣятельности Мицкевича въ Римѣ.

„Въ Римѣ моя служба кончена, насколько это зависѣло отъ меня“, писалъ Мицкевичъ. „Дѣла находятъ въ такомъ состояніи что учитель, если прибудетъ сюда, развяжетъ главный узелъ и тѣмъ облегчитъ дорогу миллионамъ Славянъ. Есть на это обѣщаніе свыше въ словѣ пророческомъ: проро-

* *Korrespondencja A. Mickiewicza* t. II (Paryż 1872), str. 226—30.

** *Współudział.* II, 105—6.

*** *Ibid.* 106—7.

чество изъ устъ особы не знающей учителя, не вѣдающей о дѣлѣ и предубѣжденной противъ учителя. Это слово позже сообщу вамъ. Я имѣлъ здѣсь тяжелую борьбу: все на что рассчитывалъ стало противъ меня, все соединилось съ ксендзами. Были собранія на которыхъ я долженъ былъ биться противъ криковъ, злословій, насмѣшекъ, клеветъ. Я вырвалъ изъ ихъ ласти молодежь, которая въ числѣ 14ти составила кружокъ на основаніяхъ учителя, — зародышъ полка. Они пошли на исповѣдь, на которой давно не были, пошли къ нашимъ ксендзамъ съ умилениемъ, со слезами, и это ксендзовъ не смягчило. Вскорѣ, можетъ-быть чрезъ нѣсколько дней, какъ только доставимъ средствъ на дорогу, выступимъ отсюда. Наше общество будетъ называться Первымъ польскимъ легиономъ (*Zastęp pierwszy Polski*), какъ часть легиона Господня. Мы пойдемъ съ бѣлымъ орломъ (гербъ Польши), а хоругвь Господню (знамя товѣанцевъ) возьмемъ не иначе какъ съ разрѣшенія учителя.“

Далѣ Мицкевичъ увѣщаетъ чтобы парижскіе товѣанцы готовились къ походу, высказываетъ надежду что Французское правительство дастъ имъ жалованье и сообщаетъ что оны пошлетъ воззваніе къ эмиграционнымъ властямъ, что оны былъ два раза на аудіенціи у папы и что разошлась вѣсть будто Товѣанскій въ Римѣ.

1го мая Мицкевичъ былъ уже въ Миланѣ, откуда намѣревался въ непродолжительномъ времени ѣхать въ Швейцарію на свиданіе съ Товѣанскимъ, алатіей котораго былъ очень недоволенъ. Тамъ оны долженъ былъ встрѣтиться съ Карломъ Ружицкимъ и уладить происшедшія между ними несогласія.

Позже, 3го июля, Мицкевичъ писалъ Товѣанскому что „надѣется въ скорѣ предстать предъ нимъ“. Неизвѣстно состоялось ли это свиданіе и когда именно. Достоверно только что съ нѣкотораго времени между Мицкевичемъ и Товѣанскимъ возникли весьма натянутыя отношенія и что главными виновниками этого были лица окружавшія Товѣанскаго.

Между тѣмъ парижскій кружокъ, оставившійся по отъѣздѣ Мицкевича безъ надежнаго руководителя, ропталъ на него за его отсутствіе въ то время когда въ Парижѣ совершались важныя событія. Оны оправдывался тѣмъ что его присутствіе было нужнѣе въ Италіи чѣмъ во Франціи.

„Служба наша во Франціи апостольская, писалъ онъ Логичкому, а въ Италиі мы ищемъ первого пункта на землѣ. На службу во Франціи насъ не требуется много, а въ случаѣ нужды можно было бы призвать нужныхъ. Политическое подготовленіе умовъ, просьбы, домогательства, уличныя демонстраціи—все это во Франціи пойдетъ само собою.“ Въ другомъ письмѣ Мицкевича читаемъ: „Что Франція—центръ вашей дѣятельности, объ этомъ я всегда говорилъ вамъ и писалъ; но безъ вызова изъ Швейцаріи и Италиі до сихъ поръ дѣло тянулось бы, и теперь снова нужно изъ Италиі призвать Польшу къ единству, собрать въ одинъ лагерь.“

Когда именно возвратился Мицкевичъ въ Парижъ, неизвестно, но 2го августа онъ писалъ Товянскому ужъ изъ Парижа: „Твое положеніе таково что ты можешь самымъ удобнымъ образомъ дать слово Франціи... Франція желаетъ знать чѣмъ была послѣдняя юньская буря, какія ея причины и слѣдствія. Ты одинъ можешь указать ея настоящую причину. Разъясненіе послѣдней революціи есть въ то же время разъясненіе прошлаго и будущаго Франціи... Съ отвѣтомъ Франціи соединяется будущность Польши, интересъ духа христіанскаго, славянскаго, польскаго, который чрезъ твое посредство говоритъ, дѣйствуетъ. Съ польскою же эмиграціей долгъ нашъ окончательно разчитаться...“

Изъ деклараціи 17 апрѣля, на французскомъ языкѣ, подписанной Яковомъ Мальвезеномъ (Malvesin) и Доминикомъ Ивановскимъ, отъ имени французскаго и польскаго кружковъ товянцевъ, узнаемъ что подписавшіяся на ней лица были отправлены депутатами отъ обоихъ кружковъ къ Товянскому съ просьбой чтобъ онъ возвратился въ Парижъ: „Избранные братьями нашими, Французами и Поляками, мы представили ихъ желаніе, чтобы человекъ Божій, человекъ этой христіанской эпохи возвратился во Францію изъ мѣста своего изгнанія, дабы онъ, предназначенный возвѣстить народамъ волю Божию, луть спасенія, руковождалъ слугами народовъ въ исполненіи ихъ миссіи. Мы изложили ему что Франція сильно нуждается въ познаніи этого пути, что искра Христова пылаетъ въ этой націи, но что легко можетъ угаснуть эта искра, надежда на спасеніе Франціи.“

„Человекъ Божій“ отвѣчалъ что его первый долгъ, первое желаніе быть поближе къ братьямъ-сослуживцамъ, что онъ являль цѣнить „христіанскую любовь“ братьевъ отпра-

жившихъ къ нему депутатовъ, но что онъ жалѣеть ихъ трудъ, ихъ времени и денегъ потраченныхъ на путешествіе; онъ прямо называетъ своихъ послѣдователей „апостолами слова Божія“ и приказываетъ имъ усердно распространять его ученіе, обѣщая явиться между ними когда они исполнятъ свой долгъ; наконецъ указываетъ на великое призваніе Франціи.

Товяскій обѣщаетъ вести Францію по пути спасенія и преуспѣванія; онъ обѣщаетъ до тѣхъ поръ не покинуть Франціи пока не совершитъ своей миссіи.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того онъ писалъ Карлу Ружицкому что „настало время, когда онъ долженъ лично послужить брату-Французу“; а 18го мая онъ уже былъ въ Парижѣ, гдѣ поселился въ Avenue des Champs Elysées № 108. Тамъ онъ прожилъ почти безвыходно во время іюньской революціи, ограничиваясь прогулками въ окрестностяхъ Триумфальной Арки; никому не дѣлалъ онъ визитовъ, ни Полакамъ, ни Французамъ, и принималъ у себя только своихъ старыхъ знакомыхъ и друзей, изъ которыхъ ни одинъ не былъ замѣшанъ въ іюньскія событія. Ни съ кѣмъ изъ бунтовщиковъ онъ не былъ знакомъ и самъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ іюньской революціи. Тамъ не менѣе 11го іюля онъ былъ арестованъ въ своей квартирѣ, заключенъ въ тюрьму Conspicgerie, и его имя фигурировало въ первомъ спискѣ лицъ обреченныхъ на изгнаніе.

За два дня до его арестованія былъ произведенъ у него полицейскій обыскъ, причемъ было захвачено и опечатано пять связокъ бумагъ. По поводу этого обыска, полицейскій чиновникъ Геберъ доносилъ: „Товяскій имѣетъ видъ почтенный. Это—родъ иллюмината. Онъ проповѣдуетъ братство по началамъ Христа и считаетъ себя посломъ Божиимъ избраннымъ для спасенія рода человеческого. Товяскій и Гуттъ привимаютъ у себя людей порядочныхъ и въ то же время—нищихъ. Ихъ ученіе клонится къ испроверженію общественнаго порядка. Они говорятъ что имѣющій пять франковъ долженъ отдать половину своему сосѣду, что имѣющій зимой холодную комнату имѣетъ право на половину теплой комнаты своего сосѣда и цыма подобныя глупости.“

Въ тюрьмѣ Товяскій просидѣлъ до послѣднихъ чиселъ августа, несмотря на всѣ усилія Мицкевича, жены Товяскаго и его самого. Мицкевицъ совѣтовалъ гдѣ Товянской

обратиться къ матери генерала Каваньяка, президента республики, чтобы она повлияла на своего сына и посодѣйствовала освобожденію Товянскаго. Самъ Товянский просилъ аудиенціи у своего судьи, генерала Вертрана, чтобы разъяснить ему лично свое ученіе и содержаніе захваченныхъ у него бумагъ, „понятныхъ только ему одному“, и въ то же время обратился съ просьбой въ народное собраніе чтобы было позволено публично защищаться отъ взведенныхъ на него обвиненій. Наконецъ Мицкевичъ подалъ генералу Каваньяку записку о личности и дѣятельности Товянскаго.

Въ сентябрѣ Товянский былъ уже на свободѣ, и 26го числа этого мѣсяца онъ приглашалъ своихъ учениковъ „присутствовать вмѣстѣ къ принятію св. причащенія въ слѣдующій день, какъ это было за семь дѣтъ передъ тѣмъ. 7го октября онъ раздавалъ медали „дѣла Божія“ брату Карау и сестрѣ Евфиміи, причѣмъ сказалъ длинную рѣчь, въ которой упоминалъ о „духѣ Косцюшки, который не перестаетъ служить Польшѣ“; но 21го числа того же мѣсяца долженъ былъ удалиться изъ Парижа, не простившись даже со своими учениками. Въ началѣ декабря онъ былъ въ Авиньонѣ, гдѣ намѣревался провести нѣкоторое время. Оттуда онъ предполагалъ отправиться въ Марсель и потомъ въ Римъ на свиданіе съ папой.

Въ Авиньонѣ Товянский получилъ письмо Мицкевича, совѣтовавшаго ему обратиться съ воззваніемъ къ Французамъ, между тѣмъ какъ онъ самъ будетъ стараться склонить на свою сторону принца Геронима Бонапарта. „Приходитъ время“, пишетъ онъ 28 декабря, „подвинуть далѣе, публичнымъ дѣйствіемъ, долгую нашу духовную работу въ интересѣ идеи Наполеона и христіанской связи ея съ судьбами народовъ. Одинъ изъ членовъ семейства Наполеона, Геронимъ, ясно указавъ какъ посредникъ между нами и правительствомъ. Геронимъ теперь начальникъ Дома Инвалидовъ. Онъ поставленъ *au-dessus des agitations humaines* (слова *Монитѣра*). Я съ нимъ давно знакомъ. Предъ революціей я ему до подробностей предсказалъ грядущія событія и государственныя перевороты. Намъ легко теперь изложить предъ нимъ съ полною свободой наше дѣло. Мы намѣрены вмѣстѣ отправиться къ нему, изложить ему все дѣло и представить ему выписки изъ разныхъ твоихъ писаній о Наполеонѣ, какъ сокровище для Франціи и ея правительства. Это первый шагъ. Братъ Карлъ въ этомъ вполнѣ со мной согласенъ.

Приближается также время тебѣ самому обратиться съ званіемъ ко Франціи, обнародовать письмо къ этимъ милліонамъ избирателей. Въ ихъ собственно рукахъ *la souveraineté*. Палата вскорѣ будетъ распущена или будутъ произведены новые выборы. Мнѣ кажется что это письмо твое должно быть обнародовано отъ имени кружка, а не твоего; а тебѣ слѣдуетъ отозваться живымъ голосомъ предъ палатой или правительствомъ.“

Товянскій не раздѣляя мнѣній и возрѣній Мицкевича, и считая не своевременнымъ предлагаемый имъ шагъ. „Съ мая по октябрь прошлаго года“, пишетъ онъ Мицкевичу изъ Авиньона, 2 января 1849 года, „былъ исполненъ предназначенный мнѣ кругъ службы для Франціи, исполненъ только въ духѣ, такъ какъ всякая реализація не была мнѣ дозволена. Наступилъ затѣмъ чередъ дѣйствовать съ палатой, и по исполненіи этой обязанности я имѣю снова дѣйствовать съ Франціей. До сихъ поръ я держусь этого порядка“... Публичное обращеніе къ Французамъ и къ принцу Герониму Товянскій считаетъ несвоевременнымъ и приказываетъ Мицкевичу выжидать пока выяснится его положеніе. Товянскій разчитываетъ на содѣйствіе полковника Дюмулена, бывшаго адъютанта Наполеона, посѣщавшаго его въ тюрьмѣ и въ концѣ объявляетъ что приближается время писать палатѣ.

Письмо къ палатѣ Товянскій намѣревался послать съ скендзомъ Эдуардомъ Дуанскимъ, собиравшимся ѣхать въ Римъ въ февралѣ мѣсяцѣ; но это намѣреніе не привелъ въ исполненіе, кажется потому что Дуанскій отложилъ свою поѣздку въ Италію.

Между тѣмъ Мицкевичъ успѣлъ убѣдиться что не настало еще время дѣйствовать рѣшительно во Франціи. „Политическій духъ правящей Франціей“, писалъ онъ Товянскому 25 февраля, „поколебленъ и ослабленъ, но государственная машина двигается своею колеей. Еще не близка минута когда можно будетъ задержать ее или дать ей иное направленіе.“ Надежды его на Геронима не оправдались: онъ былъ слишкомъ занятъ государственными дѣлами и не имѣлъ ни времени, ни охоты толковать съ Мицкевичемъ о товянизмѣ. Вѣроятно также что ему были извѣстны отзывы генерала Каваньяка о Товянскомъ: онъ считалъ его достойнымъ галеръ и въ освобожденіи его по просьбѣ жены Мицкевича сильно расказивался. Быть-можетъ что самъ Каваньякъ или

по его вліяннію правительство приняло какія-нибудь мѣры противъ Товянскаго, ибо онъ въ концѣ іюля почувствовалъ невозможность дальнѣйшаго пребыванія во Франціи и выѣхалъ въ Швейцарію. Въ первыхъ числахъ іюля онъ былъ уже въ Бинцигенѣ, откуда отправилъ длинное письмо къ ксендзу Дунскому. Въ этомъ письмѣ онъ такъ объясняетъ свою миссію:

„На откровеніи основана моя миссія. Открытая мнѣ воля Божія руководить всѣми моими дѣйствіями. Темный по себѣ прахъ и среди мрака въ который погружена земля, какъ могъ бы я безъ этого свѣточа достигнуть предназначенной цѣли? Съ юности я носилъ въ себѣ мысль Божію, почиющую на мнѣ, но видя свою негодность, я долго не смѣлъ обнаружить тѣломъ и дѣйствіемъ то что духъ мой чувствовалъ, что носилъ въ себѣ. Воззрѣвъ Господь въ милосердіи Своемъ на слугу Своего, и воля Божія открытая духу открылась человѣку“....

Товянскій проситъ Дунскаго такъ объяснить его миссію архіеписколу парижскому и довести до его свѣдѣнія что онъ, Товянскій, намѣренъ въ скоромъ времени представить свое ученіе на судъ палы.

Товянскій облизился съ ксендзомъ Дунскимъ въ началѣ 1849 года, какъ видно изъ письма его къ Мицкевичу отъ 11го февраля: „Ксендзъ Дунскій постоянно возрастаетъ въ духѣ ревности къ нашему дѣлу. Въ интересъ этого дѣла, онъ вознамѣрился ѣхать въ Римъ. Онъ очевидно избранъ Богомъ для облегченія насъ“.

О немъ извѣстно что онъ принадлежалъ къ ордену „Змарт-выхстанцевъ“ съ самаго его основанія. Благодаря своему характеру, онъ пользовался любовью, уваженіемъ и довѣріемъ своихъ собратьевъ. Какъ только начало распространяться ученіе Товянскаго, онъ былъ отправленъ изъ Рима, тотчасъ по посвященіи, въ Парижъ для защиты католицизма. Мягкій и чистосердечный въ обращеніи, онъ смѣло и неуклонно защищалъ ученіе церкви въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Не задолго до 1848 года онъ впалъ въ болѣзнь и съ тѣхъ поръ сталъ склоняться къ товіанизму. Событія 1848 года еще сильнѣе потрясли его организмъ; онъ потерялъ рассудокъ и окончательно *утровался* въ Товянскаго. * Тревожимый совѣстью, какъ онъ самъ выражается

* *Przeegl. Pozn.* XXV, 185.

въ письмѣ къ парижскому архіепископу, * онъ отправился въ юнѣ мѣсяцѣ въ Авиньонъ чтобы поближе познакомиться съ Товянскимъ и его ученіемъ, и послѣ нѣсколькихъ конференцій написалъ донесеніе великимъ генераль-викариямъ Бюке и Равине. Въ этомъ донесеніи ** онъ говоритъ: 1) объ *откровеніи* полученномъ Товянскимъ; 2) о *неизданныхъ* его сочиненіяхъ и 3) о его *особѣ* и дѣйствіяхъ.

„Что касается самаго *откровенія*, то о содержаніи его Товянскій никому еще не сообщалъ“; но какъ только настааетъ „удобная минута“, онъ представляетъ апостольскому престолу „самое обстоятельное“ письменное изложеніе.

Далѣе Дунскій вкратцѣ передаетъ ученіе Товянскаго на основаніи конференцій съ нимъ, не находить въ немъ ничего противнаго ученію церкви и замѣчаетъ что совершенно невѣрно смѣшиваютъ ученіе Товянскаго съ „революціей и доктриной“ Піерръ-Мишеля Вентраса.

О самомъ Товянскомъ Дунскій пишетъ: „Я видѣлъ въ немъ настоящее смиреніе, съ соблюденіемъ свободы и достоинства христіанскаго, великую любовь ко Христу и ко всякой правдѣ, *неслышанную ученость* и практическое откровеніе сокровищъ Божіихъ положенныхъ въ „камнѣ Петровомъ“. Въ разговорѣ и въ каждомъ дѣйствіи — тонъ чистый, христіанскій, тонъ проистекающій изъ любви къ Богу и къ ближнему, тонъ совсѣмъ уже утраченный на землѣ. Онъ не обращаетъ никакого вниманія на личность. Онъ указываетъ только путь христіанскаго самоотверженія, съ нимъ все связывается, въ немъ постоянно живетъ...“

Наконецъ Дунскій говоритъ: „Изъ всего что я видѣлъ и слышалъ заключаю что это настоящій слуга Христовъ ищущій только торжества Господа и Его церкви, слуга злоки, какъ онъ самъ себя называетъ.... Я искренне убѣжденъ что это единственный человѣкъ способный подать каждому слово и идею животворящую, показать практическую дорогу христіанскую. Послѣ каждой бесѣды я выходилъ отъ него съ самымъ горячимъ желаніемъ стать лучшимъ предъ Богомъ и людьми въ великомъ и святомъ призваніи священника. И это главный результатъ который я вынесъ изъ многихъ бесѣдъ съ нимъ...“

* *Współudział A. Mick. II, 139.*

** *Przeegl. Pozn. XXV, 185—7.*

Въ началѣ 1850 года ксендзъ Дунскій, „снова тревожимый совѣстью“, вторично отправился къ Товянскому „чтобы поближе присмотрѣться къ его жизни и дѣланіямъ, чтобы получить нѣкоторыя необходимыя разъясненія и чтобы окончить начатую работу въ дѣлѣ столь обширномъ и важномъ.“ Вслѣдствіе этого втораго посѣщенія Товянскаго Дунскій написалъ письмо къ архіепископу парижскому изъ Цюриха отъ 8го декабря 1850 года. * Познакомившись поближе съ Товянскимъ и его ученіемъ, Дунскій призналъ въ немъ „новаго Моисея, который соединяя право религиозное съ правомъ политическимъ, подчиняетъ всю жизнь человѣка одному праву слова Божія, вводитъ единство и гармонию въ жизнь человѣка, научаетъ самоотверженію словомъ, жизнью, примѣромъ.“ Въ доказательство ревности Товянскаго къ служенію церкви Дунскій приводитъ видѣнные имъ самимъ примѣры обращенія въ католицизмъ протестантовъ и въ заключеніе заявляетъ: „Голосъ моей совѣсти говоритъ мнѣ что миссія этого мужа происходитъ отъ Бога“.

Открытый переходъ ксендза Дунскаго на сторону товьянцевъ далъ имъ новую силу. Возобновилась усиленная пропаганда товьянизма между молодыми эмигрантами прибывшими въ большомъ числѣ во Францію. ** Для противо-дѣйствія этой пропагандѣ и для защиты католицизма, ксендзъ Семененко издалъ брошюру *Towianski et sa doctrine jugés par l'enseignement de l'Eglise*. По прочтеніи этой брошюры Дунскій отвѣчалъ Семененку: *** „Не сомнѣваюсь что ты хорошо разъяснилъ догматы католической церкви; но сильно сомнѣваюсь чтобы судъ твой о мало извѣстномъ тебѣ ученіи Товянскаго былъ справедливый и безошибочный.“ А нѣсколько позже Дунскій писалъ Семененку что онъ, Семененко, предвѣренно подыскивалъ противорѣчія между догматами церкви и словами приписываемыми Товянскому, что онъ вовсе не знаетъ ученія Товянскаго, о которомъ берется судить, что его злобная и живая брошюра не достойна католика: такъ могутъ писать только протестанты. ****

* *Współudział.* II, 138—147.

** *Przeegl. Pozn.* XXV, 187—8.

*** *Ibid.* 203. 204.

**** *Ibid.*

Дунскій защищалъ Товянскаго съ увлеченіемъ. „Ты ошибаешься,“ писалъ онъ Семеновку * „что Товянскій приносить какую-то новую доктрину или систему имъ созданную, и вслѣдствіе этой ошибки ты самъ создалъ для него систему, въ которой нѣтъ правды отъ начала до конца... Ты отвѣчаешь смѣхомъ на то чего не понимаешь... Пусть ксендзъ Петръ (Семеновко) побольше сблизится въ любви съ такъ-называемыми учениками Товянскаго; тогда онъ узнаетъ о чемъ идетъ у нихъ дѣло, о богословскихъ ли трактатахъ, или объ исполненіи Евангельскаго закона, закона церкви, путемъ указаннымъ Христомъ... Его (Товянскаго) укоряли уже во всемъ, укоряли что онъ *шпіонъ и слуга Москвы*, потому только что онъ показалъ что милосердіе Божіе простирается и на Россію, говорили что онъ *магнетизеръ*—потому что иначе не могли объяснить себѣ дары Божіи которыми онъ такъ щедро надѣленъ, что онъ *демократъ, социалистъ, бичуетъ народъ*, потому что онъ открылъ духовныя сокровища нашего крестьянина и проповѣдуетъ братство съ нимъ; оставалось только присоединить обвиненіе со стороны священника что онъ *еретикъ, богохульцъ*, что онъ подрываетъ основанія церкви“...

Результатомъ полемики Дунскаго съ Семеновкомъ было то что архіепископъ парижскій въ мартѣ 1851 года пожелалъ имѣть отъ *Змартвыявстанцевъ* болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о *сектѣ* Товянскаго. *Змартвыявстанцы* послали ему короткое объясненіе, при которомъ приложили списокъ Поляковъ (около ста человекъ) открыто заявляющихъ себя сторонниками Товянскаго. Въ то же время, по волянію *Змартвыявстанцевъ* одинъ изъ епископовъ Швейцаріи, къ епархіи котораго принадлежалъ Цюрихъ, гдѣ жилъ тогда Дунскій, воспретилъ ему отправленіе всякихъ церковныхъ требъ **.

Въ это время Товянскій проживалъ въ Цюрицѣ, окруженный постоянно значительнымъ числомъ своихъ учениковъ: туда посылали вновь поступающихъ въ его кружокъ; туда являлся Мацкевичъ; тамъ по цѣлымъ мѣсяцамъ пребывали ксендзъ Дунскій и Карлъ Ружицкій. Товянскій по своему

* Ibid 204—6. Переписка Дунскаго съ Семеновкомъ напечатана въ брошюрѣ *Dunski, prêtre zélé et zélé serviteur de l'oeuvre de Dieu*, Paris, 1857 года).

** Ibid. 209—10.

обычаю говорил проповѣди при всякомъ удобномъ случаѣ, вербовалъ сторонниковъ, крестилъ Евреевъ *.

Между тѣмъ произошелъ расколъ въ кружкѣ товянцевъ: Мицкевичъ, опираясь на личныя свои отношенія къ принцу Геровому и лицамъ высоко поставленнымъ во французскомъ обществѣ, чаялъ спасенія Польши отъ Европы и преимущественно отъ Франціи; а Товянский со своими приближенными, во главѣ которыхъ стояли Дунскій и Ружицкій, обращалъ свои взоры къ Россіи. Отсюда между Товянскимъ и Мицкевичемъ возникло охлажденіе, но до окончательнаго разрыва дѣло не дошло. Сторонники того и другаго перебралывались взаимными упреками. Дунскій и Ружицкій ревностно защищали Товянскаго отъ всякихъ обвиненій. Мицкевичъ вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Наполеономъ III. Началась Крымская кампанія, и вслѣдъ за тѣмъ Мицкевичъ былъ отправленъ Французскимъ правительствомъ въ Турцію съ враждебною намъ миссіей, но прежде чѣмъ успѣлъ что-нибудь сдѣлать умеръ въ Константинополѣ (1855 года). Черезъ годъ послѣ него скончался въ Парижѣ ксендзь Дунскій, бывшій до послѣднихъ дней своихъ самымъ ревностнымъ приверженцемъ Товянскаго и усердно распространявшій товянизмъ въ Сѣверной Италіи. Олорой товянизма осталася Ружицкій; но это была опора неважная: мало-по-малу товянцы разбрелись въ разныя стороны, новыхъ аделтовъ не появлялось, и Товянский былъ обреченъ кончить жизнь свою въ Цюрихѣ всѣми забытый **...

В. МАКУШЕВЪ.

* Ibid. 210—3. *Współudział* II, 136—7.

** *Przeegl. Pozn.* XXV, 210—227. *Współudz.* II, 147—62, 271—85.